

На правах рукописи

Бухаева Раджана Владимировна

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ
(на материале бурятского языка)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2015

Работа выполнена на кафедре общего и исторического языкознания ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Научный консультант –

Майоров Александр Петрович
доктор филологических наук, профессор
кафедры общего языкознания
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный
университет» (г.Улан-Удэ)

Официальные оппоненты:

Кронгауз Максим Анисимович
доктор филологических наук, профессор
Института лингвистики НОУ ВПО
«Российский государственный
гуманитарный университет»

Красных Виктория Владимировна
доктор филологических наук, профессор
кафедры общей теории словесности
ФГОУ ВПО «Московский
государственный университет
имени М.В. Ломоносова»

Есенова Тамара Саранговна
доктор филологических наук, профессор,
зав. каф. русского языка и
общего языкознания ФГОУ ВПО
«Калмыцкий государственный университет
(г. Элиста)

Ведущая организация –

ФГБУН Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
(г. Улан-Удэ)

Защита состоится 26.02.2015 в 11.30. ч. на заседании диссертационного совета Д. 002.006.03 при ФГБУН «Институт языкознания РАН» по адресу: 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, конференц-зал. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт языкознания РАН».

Автореферат разослан 26.01. 2015 г.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте института языкознания РАН <http://iling-ran.ru>

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А.В. Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данное исследование посвящено системному описанию стереотипов речевого общения (СРО) бурят, выявлению их типологических аспектов и национально-культурной специфики. В работе используется интегративная методика моделирования СРО бурят с помощью вербально-образного, ассоциативно-смыслового и концептуального анализа материала.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что проблема стереотипизации общения как составная часть проблемы связи языка и общества остается малоисследованной в современной лингвистике. Актуальность настоящей работы обусловлена также междисциплинарным комплексным характером исследования, который проявляется в том, что оно находится на пересечении различных научных дисциплин, таких как диалектология, лингвокультурология, ареальная лингвистика, социолингвистика, теория дискурса, теория коммуникации, что созвучно многим направлениям лингвистики.

Изучение речевых стереотипов общения в разных лингвокультурах – важнейший компонент картины мира любого языка, тесно связанный с этническим самосознанием и этнической идентификацией. Поэтому исследование феноменов «язык» и «культура» и их функционального взаимодействия в ходе исторической эволюции этносов, роли языка как фактора этносоциального развития, его функционирования в разных этнокультурных и социокоммуникативных ситуациях имеет особое значение в таком полиэтническом регионе, каковым является Республика Бурятия. Сложность этих вопросов обуславливает своевременность проводимого исследования и показывает, что назрела необходимость научной систематизации фактов в области национальной специфики общения бурятского этноса, в выявлении типичных и специфических характеристик этнокультурных стереотипов речевого общения бурят, в эмпирическом исследовании стереотипов организации речевого поведения носителей бурятской культуры, их национально-специфических концептов или стереотипов языкового сознания.

В рамках комплексного подхода к восприятию и интерпретации стереотипов речевого общения бурят семантизируются «базовые» аксиологические концепты, объективирующие когнитивные дифференциальные и типологические признаки концептосферы общения бурят. На обширном материале, включающем в себя как фразеологические единицы, пословицы, поговорки, паремии, благопожелания, этико-философские и художественно-литературные тексты, так и результаты проведенного ассоциативного эксперимента, представляется возможным воссоздать фрагменты картины мира современных бурят, выявить специфику представленного в них

этнолингвистического (речевого) портрета бурят, особенностей их речевого поведения.

Объектом исследования является речевое общение (РО) городских русскоязычных бурят и бурят-билингвов.

Предметом исследования выступают этнокультурные особенности стереотипов речевого общения бурят.

Цель исследования – сопоставительно-когнитивный и комплексный анализ понятия «стереотип речевого общения», направленный на выявление этнокультурной специфики стереотипов речевого общения бурят, а также особенностей их вербализации и функционирования, изучение особенностей трансформации языкового сознания бурят в условиях двуязычия, исследование стереотипных языковых факторов, отражающихся в процессах общения.

Для достижения поставленной цели и проверки гипотезы ставятся следующие **задачи исследования**:

- исследовать междисциплинарные области объекта изучения, рассмотреть специфику понятия стереотип в соотношении со смежными дисциплинами (когнитивная лингвистика, психология, социальная психология, культурология и др.);

- определить теоретико-методологическую базу исследования СРО в рамках психолингвистики, социолингвистики и лингвокультурологии;

- выявить этнокультурный аспект СРО бурят;

- обозначить подходы к выявлению типологии и специфики СРО русскоязычных бурят и бурят-билингвов;

- структурировать понятие «стереотип речевого общения» как явление, состоящее из двух аспектов: стереотипы языкового сознания и стереотипы организации речевого общения;

- выявить СРО, которые реализуются на основных уровнях общения:

- а) на языковом уровне выявить реалии, языковые и речевые стереотипы, речевой этикет и т.п.

- б) на содержательном уровне выявить стандартные единицы фонового знания городских бурят-билингвов и русскоязычных бурят, а также стереотипы организации речевого общения бурят;

- в) на паралингвистическом уровне выявить стереотипные особенности невербальной коммуникации бурят (стандартные формы реализации кинесики, проксемики и т.п.);

- г) на ментальном уровне провести анализ этноспецифических концептов и выявить особенности их стереотипной реализации в языковом сознании бурят;

- провести свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) в группах русскоязычных бурят и бурят-билингвов; проанализировать полученные результаты САЭ;

- по результатам проведенного исследования изучить, проанализировать и сопоставить стереотипы общения исследуемых групп бурят.

Гипотеза диссертационного исследования заключается в том, что в каждой из стандартных ситуаций общения встречается определенный репертуар обслуживающих его речевых стереотипов общения, обусловленный разными социокультурными, психологическими и этнокультурными определяющими.

Исходя из того, что стереотипы реализуются на трех уровнях: язык – культура – мышление, их исследование включает описание языковых репрезентантов (речевые клише, фразеологические единицы), социокультурного содержания (стереотипы организации речевого общения бурят) и построение когнитивных моделей (изучение национально-специфических стереотипов-концептов, бытующих в языковом сознании бурят).

Информационной базой исследования послужили:

– для верификации эмпирической базы исследования были использованы словари: Л.Д. Шагдурова, К.М. Черемисова, Ц.Б. Цыдендамбаева, Ш.Р. Цыденжапова, С.М. Бабушкина, Ц.Б. Будаева.

– результаты анкетного опроса бурятского населения г. Улан-Удэ, проведенного в 2011–2013 гг.;

– записи устной речи интеллигенции, студентов вузов г. Улан-Удэ; данные, полученные при интервьюировании респондентов; транскрипты аудиозаписей речевых событий в комплексе с данными этнографического наблюдения. Объем речевого материала был определен в 19 образцов естественных (бытовых) диалогов разной тематики и протяженности, что составило 145 минут аудиозаписи;

– пословицы – 68 ед.; фразеологические единицы – 65 ед.; устойчивые выражения, клише – 156 ед., идиомы – 14 ед., примеры из художественных текстов – 164 ед.;

– результаты свободного ассоциативного эксперимента среди русскоязычных бурят и бурят-билингвов г. Улан-Удэ. В эксперименте приняли участие студенты 2-5 курсов Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (193 человека) и Бурятского государственного университета (189 человек) и государственные служащие (115 человек). По результатам свободного ассоциативного эксперимента нами было получено и обработано 20900 реакций русскоязычных бурят и 16300 реакций бурят-билингвов. Большая часть эмпирических данных впервые вводится в научный оборот.

Теоретической базой исследования являются фундаментальные труды зарубежных и отечественных ученых в области психолингвистики, социолингвистики, теории дискурса, лингвокультурологии, когнитологии, теории коммуникации и смежных гуманитарных дисциплин, в которых рассматриваются различные аспекты проблемы языка и культуры, языка и сознания, языка и коммуникации. Теоретико-методологической основой диссертационного исследования стали рабо-

ты в области изучения стереотипов и этностереотипов (А.К. Байбурин, А.В. Павловская, Т.Г. Тавадов, Ю.Е. Прохоров, В.В. Красных, В.А. Маслова, А.Д. Шмелев и мн. др). В основу исследования также легли концепции отечественных и зарубежных филологов (Э. Сепир, Л. Вайсгербер, Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, М.А. Кронгауз, С.Г. Тер-Минасова, др.), психологов и психолингвистов (З. Фрейд, А.Н. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Т.А. Голиковой и др.), этнологов и этнолингвистов (Е. Бартминьский, В.А. Тишков, Ю.В. Бромлей, Л.М. Дробижева, Н.Г. Скворцов и др.), культурологов и лингвокультурологов (М.М. Бахтин, А. Вежбицка, Ю.С. Степанов, Д.С. Лихачев, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др.), в которых определены теоретические положения психолингвистики, социолингвистики, культурологии, лингвокультурологии, этнолингвистики и принципы языковедческой науки, а также подходы к изучению национальной специфики речевого общения, этнокультурных стереотипов речевого общения; разработки отечественного языкознания в области коммуникативной лингвистики, в частности, исследования устного речевого этикета, методики преподавания русского языка как иностранного (Н.И.Формановская 1979, С.М. Эрвин-Трипп 1975, Л.П. Ступин, К.С. Игнатьев 1980); системного анализа фразеологических единиц (М.М. Копыленко, З.Д. Попова 1989; Г.А. Шиганова 1997; Л.Ю. Нестерова 1999).

В бурятском языкознании в последние десятилетия появился ряд солидных монографических исследований социолингвистического, этнолингвистического и лингвокультурологического плана (Дырхеева 1996; 2002; 2005; Будаев, Бажеева 1999; Бажеева 2002; Хилханова 1999; 2007; Сундуева 2005) и научных сборников: «Социолингвистические исследования в Бурятии» (1992); «Двуязычие в Бурятии: новые аспекты изучения» (2002); «Бурятский язык и культура в условиях глобализации» (2005); «Россия-Азия: становление и развитие национального самосознания» (2005); «Языковая личность в современном социуме (региональный аспект)» (2006) и др.

Теоретико-методологическая база анализа национальной специфики речевого общения в Республике Бурятия представлена работами, посвященными исследованию бурятской культуры, ситуации двуязычия и бурятского языка (А.П. Окладников, М.Н. Хангалов, Ш.Б. Чимитдоржиев, Г.А. Дырхеева, Л.В. Шулунова и др.); работы по проблемам языкового сосуществования на примере бурятского и русского языков Т.А. Бертагаева, Л.Д. Шагдарова, А.А. Дарбеевой, Д.Ш. Харанутовой, Т.П. Бажеевой, Э.В. Хилхановой, Г.С. Доржиевой и др.; по речевому общению бурят (Л.П. Медведева, 2005; Л.И. Эрхитуева, 2006, В. Бабуева, Т.Б. Дугарова), национально-культурному аспекту языкового сознания бурят (Г.А. Дырхеева, Б.В. Дашиева); проблеме языковой картины мира бурят и базовым концептам бурятской лингвокультуры (Е.А. Бардамова, 2011, О.С. Казанцева, 2011, Е.С. Шойсоронова, 2006, О.А. Шобоева), невер-

бальной коммуникации бурят, монголов и калмыков (Г.Ц. Пюрбеев, Фань Цзин, 2005). Интересны в этом плане и работы калмыцких исследователей. Г.Ц. Пюрбеев (1999, 2000), Т.С. Есенова (1997, 2004, 2009), Е.В. Голубева (2005, 2009) исследовали речевой этикет, национально-культурные особенности речевого общения, монгольские и калмыцкие лингвокультурные концепты.

В отечественном языкознании, включая и бурятское, ощущается недостаток работ, сочетающих как лингвистические, так и экстралингвистические подходы при объяснении того, почему этнические меньшинства, в частности в России, не задерживаются на стадии двуязычия, а перестают говорить на своих исконных языках и переходят на русский язык. И здесь важно исследовать изменение речевых и поведенческих стереотипов бурят.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые: рассматриваются стереотипы речевого общения бурят с позиций таких уровней, как мышление – язык – речь – коммуникация, на основе чего дается комплексное описание изучаемых стереотипных единиц; проведен сравнительный анализ этнокультурной специфики стереотипов речевого общения русскоязычных бурят и бурят-билингвов; введены в научный обиход материалы ассоциативного эксперимента с русскоязычными бурятами и бурятами-билингвами.

Новизна исследования заключается также в эмпирическом исследовании стереотипов организации речевого поведения бурят, стереотипов языкового сознания бурят; в выявлении типичных и специфичных характеристик этнокультурных стереотипов речевого общения бурят; в научной систематизации фактов в области национальной специфики общения бурятского этноса г. Улан-Удэ.

Исследование стереотипов в речи и поведении городских русскоязычных бурят и бурят-билингвов является значимым дополнением к региональным разработкам в области функционирования национальных языков в ситуации двуязычия, а также одним из немногих в области коммуникативной лингвистики на материале бурятского языка, тем самым заполняет существенный пробел и вносит большой вклад в теорию коммуникации и в бурятоведение.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Стереотипы речевого общения (СРО) формируются как на уровне образов и концептов (ментальный уровень), так и на уровне моделей вербального и невербального поведения.

2. На уровне культуры СРО исследуются во взаимосвязи с бурятской языковой картиной мира, так как картина мира любого этноса отражается в содержательной стороне языка, которая становится фундаментом всех стереотипов.

3. СРО рассматриваются как элементы, выполняющие в общении функцию «культурного кода», знание которого дает возможность носи-

тельно бурятской культуры идентифицировать себя со своей лингвокультурной общностью.

4. Менталитет – набор специфических когнитивных и поведенческих стереотипов нации; совокупность этнокультурных концептов определяет специфику менталитета бурят, а потому их изучение чрезвычайно важно для выявления особенностей СРО бурят.

5. Понятие СРО исследуется как двусторонний феномен, представленный: 1) стереотипами языкового сознания; 2) стереотипами организации речевого общения.

6. Анализ свободных вербальных ассоциаций способствует выявлению национально-специфичных единиц бурятского языка, представленных концептами *хөөрэлдөөн* ‘общение’, *хөөрэлдөөнэй ёһо заншал* ‘речевой этикет’, *хүндэлэлгэ* ‘уважение’, *хүндэшиэ зан* ‘гостеприимство’ и национально-культурными словами-образами (*буян* ‘добродетель’, *нүгэл* ‘грех’, *Ши хаанахиши?* ‘Ты откуда родом?’, *хамаа үгы (хамаагүй)* ‘сойдет и так’).

7. К стереотипам организации речевого общения бурят относятся коммуникативные стереотипы, в рамках которых рассматриваются речевой этикет бурят как система национально-специфических стереотипов общения, ФЕ бурятского языка со значением процесса речи, кинесика, проксемика, диалоговые реплики-коммуникативы.

8. К стереотипизированным элементам организации разговорной речи бурят относятся неспешная просодия, эвфемический характер коммуникации, смешение и переключение кодов; лексико-семантические особенности разговорной речи бурят-билингвов, культуроспецифичные номинации, бытующие в разговорной речи этнофоров.

Комплексным характером исследования определялись использованные в работе **методы и подходы**:

– психолингвистический эксперимент (применена методика свободного ассоциативного эксперимента);

– этнолингвистический анализ языковых единиц (лексика, терминология, фразеология);

– методы измерения этнокультурной специфики языка, предложенные А. Вежибцкой (1996), в частности описание особых слов, концентрированно выражающих уникальные для данной культуры понятия (бур. *сэржэм* ‘подношение богам золотого питья, нектара (молоко, чай, водка)’, *тоонто нутаг* ‘малая родина’ и др.);

– методы изучения концепта (метод моделирования – построение лексико-семантического поля (ЛСП));

– метод когнитивной интерпретации полученного языкового материала;

– анкетирование, методика включенного наблюдения, параметрическое описание коммуникативного (речевого) поведения;

– структурно-типологический анализ художественных текстов с целью установления использования в них национальных речевых стереотипов общения (речевые стратегии общения бурят, стереотипные, клишированные языковые формы речевого общения, в частности средства выражения приветствия, благодарности, прощания, просьбы, извинения, особенности невербальной коммуникации бурят). Данный подход позволяет анализировать лексическую и культурную семантику знаков языка в неразрывном единстве.

Теоретическая значимость исследования состоит в формировании теоретической базы исследования СРО; уточнении содержания и взаимосвязи исследуемого феномена со следующими категориями: речевое общение, языковая картина мира, языковое и коммуникативное сознание, стереотипы языкового сознания, национальный менталитет, речевой этикет, фоновые знания, национально-культурная коннотация, концепт, широко используемых в современной лингвистической науке; в обосновании понятия «этнокультурный стереотип речевого общения»; в разработке интегративной методики его моделирования с помощью вербально-образного, ассоциативно-смыслового и концептуального анализа материала; в структурной разработке понятия этнокультурный стереотип речевого общения как двустороннего феномена, представленного: а) стереотипами языкового сознания; б) стереотипами организации речевого общения.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при чтении курсов по психолингвистике, этнолингвистике, лингвокультурологии, при написании курсовых и дипломных работ, посвященных данной проблематике, на занятиях по практике письменной и устной речи бурятского языка, при обучении иноязычных студентов бурятскому языку. Выводы работы применимы также в прикладных сферах, где необходимо разработать программы тренинга кросс-культурной адаптации, который построен именно на сопоставлении национально-специфических стереотипов общения различных этносов; при разработке системы культуроведческих тестов, направленных на выявление расхождений в организации речевого поведения представителей разных культур (в данных тестах заложено отражение элементов речевого и неречевого поведения представителей различных культур).

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации отражены в 27 публикациях, в том числе в 15 статьях в реферируемых изданиях. Их содержание изложено на Международной научно-практической конференции «Восточное общество: интеграционные и дезинтеграционные факторы развития» (Улан-Удэ, 2007); Международной научной конференции «Россия-Азия: механизмы сохранения и модернизации этничности» (Улан-Удэ, 2008), IX международная научно-практическая конференция «Лингвистические и культурологические

традиции и инновации» (Томск, 2009); региональной научно-практической конференция «Языковая картина мира Байкальского региона» (Улан-Удэ, 2009); IX Российской научно-практической конференции «Мировая культура и язык: взгляд молодых исследователей» (Томск, 2009); Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Региональные варианты национального языка» (Улан-Удэ, 2013); на ежегодных научно-практических конференциях студентов и аспирантов Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, на научно-практических конференциях в Забайкальском государственном педагогическом университете, Иркутском государственном техническом университете, Бурятском государственном университете.

По теме диссертации опубликовано 27 работ (общим объемом 49,8 п.л.), из них: 1 монография (общим объемом 10,23 п.л.); 15 статей в изданиях, рекомендованных ВАК (общим объемом 16,1 п.л.); 11 статей в сборниках научных трудов (общим объемом 23,5 п.л.).

Структура работы определяется логикой поэтапного решения поставленных задач в соответствии с целью и методами исследования.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной теоретической литературы, включающего 526 источников, списка цитируемых источников на русском языке, списка источников цитируемого и исследуемого материала на бурятском языке, приложений (опросников, анкет, диаграмм, таблиц).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность, научная новизна темы, излагается цель, задачи, решаемые в диссертации, определяются объект, предмет, материал и методы исследования, раскрываются теоретическая значимость и практическая ценность работы.

В главе I «**Понятие стереотипа в контексте современных исследований**» исследуется понятие стереотипа в различных отраслях научного знания, а также этнокультурного стереотипа речевого общения в соотношении со смежными дисциплинами (когнитивная лингвистика, психолингвистика). Сам феномен «стереотип» и его виды («социальный стереотип», «этнический стереотип») рассматривается в работах не только лингвистов, но и социологов, этнографов, психологов. Многообразие подходов указывает на объемность, разноплановость объекта, наличие в нем пространственных конфигураций, а следовательно, на возможность подхода к определенному явлению, понятию с различных точек зрения.

В параграфе 1.1 «**Стереотип: к определению понятия**» содержится концептуальное обобщение методологических подходов к исследованию изучаемого феномена, обозначено использование понятия стереотипа в смежных гуманитарных науках (социологии, культурологии, психологии, когнитивистике, лингвистике), дана краткая характеристика разно-

видностей, функций стереотипа в связи с их разработкой в этих смежных областях науки.

Парадигма исследовательской мысли при изучении исследуемого феномена выстроена в направлении от общего понятия стереотипа (этнический, социальный, культурный) к лингвистической и лингвокультурологической интерпретации стереотипа, в частности к стереотипам речевого общения (СРО). Выявлено, что структура понятия «стереотип речевого общения» включает в себя *стереотипы общения и поведения* (речевые, языковые, ментальные и коммуникативные (речеповеденческие) стереотипы). Зарубежные исследования этнических стереотипов представляют собой кросс-культурные сравнительные исследования «национального характера» и «базовой личности» различных народов. При таком понимании стереотипа выделяются две его важные черты: 1) то, что они детерминированы культурой; 2) стереотипы являются средством экономии языковых средств. Таким образом, стереотипы проявляют себя как стереотипы мышления и поведения личности.

Проблема стереотипизации сознания и поведения членов этнических групп в общетеоретическом плане в отечественной науке обстоятельно исследуется с 60-70-х гг. XX в. Российские ученые отмечают, что стереотип как понятие, значимое не только для языка, но и культуры в целом, в последние годы становится объектом культурологических исследований, концентрирующих внимание на речевых и ментальных стереотипах, формирующих «облик» национальных культур и выступающих в роли этнокультурного идентификатора. Для понятия этнического стереотипа значима не только языковая компетенция («этническое» значение слова), но и прагматическая (коммуникационная) компетенция (знание о мире, внешней действительности). Данная группа стереотипов играет структурообразующую и этнодифференцирующую роли, важные для самоосознания и самопознания этноса (представления о «своем» и «чужом» народе, «своей» и «чужой» системе ценностей).

Анализируется новый подход к изучению стереотипов, предложенный Н.В. Уфимцевой, который заключается в разграничении этнических и культурных стереотипов. По ее мнению, «этнические стереотипы являются фактами поведения и коллективного бессознательного, им невозможно специально обучать, а культурные стереотипы доступны саморефлексии и являются фактами поведения, индивидуального бессознательного и сознания, им уже можно обучать» [Уфимцева 1996, с.139-162]. К важной характеристике культурных стереотипов относится и то, что они всегда имеют этнокультурную специфику, а если встречаются аналоги в других культурах, то, совпадая в целом, они различаются нюансами, деталями, имеющими принципиальное значение. Принципиальным в понимании стереотипа является то, что он выступает важнейшим инструментом моделирования образа носителя культуры в языке. В.И. Карасик считает возможным и перспективным описать модельную (модульную)

личность, которая представляет собой стереотип поведения, служит своеобразным символом данной культуры [Карасик 2003, с.100]. Подобную попытку в настоящем исследовании предприняли и мы, описывая этнокультурные стереотипы речевого поведения бурятской языковой личности.

Таким образом, на основе глубокого анализа различных подходов отечественных и зарубежных ученых к пониманию феномена «стереотип» и его видов мы считаем релевантным для своего исследования следующее определение этнического стереотипа, представленного В.А. Масловой: этнокультурные стереотипы – это обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Например, существуют стереотипные представления о целом народе, которые распространяются на каждого его представителя: немецкая аккуратность, русское «авось», китайские церемонии, африканский темперамент, вспыльчивость итальянцев, упрямство финнов, медлительность эстонцев, польская галантность [Маслова 2001, с.13].

В параграфе 1.2 «**Лингвистическая интерпретация стереотипа**» рассматриваются такие аспекты, как: стереотип и его языковой знак; стереотип и значение слова (стереотип и когнитивная семантика); когнитивная структура стереотипа; способы концептуализации языковой действительности. В современной лингвистике наряду с чисто языковыми моментами трактовки понятия стереотип неизменно присутствуют и социокультурный, психологический и этнокультурный аспекты. Особенно это характерно для лингвистических работ, выполненных в русле современной прагматики, в которых, как правило, акцентируется социокультурный компонент той или иной языковой категории, подчеркивается национальная специфика ее проявления.

Аналитический обзор современных исследований по лингвистике показал, что стереотип может относиться к двум разным плоскостям языка: 1) формальной (фразеология, языковые клише, формульность, принципы сочетаемости в пределах языковых конструкций и т.п.); 2) семантической (смысловые коннотации языковых единиц, сопутствующие основному/первичному значению). Рассматривая стереотип в рамках первого подхода, вслед за В.Н. Телия отмечаем, что в лингвистике и этнолингвистике стереотип используется для обозначения самых разнообразных по знаковым формам презентаций и по «протяженности» языковых сущностей – начиная от однословных наименований, фразеологизмов, прецедентных текстов, стереотипов речевого поведения (ярким примером которых могут служить ритуализированные диалоговые реплики-коммуникативы), а также целых текстов, «избитых» по жанро- и стилеобразующим свойствам [Телия 1990, с. 559].

Характерной чертой развития данного понятия в современной лингвистике является тот факт, что изучение стереотипов можно разделить на два направления: с одной стороны, изучается *речевой стереотип*, где

под ним подразумевается языковое выражение с фиксированной формой (Е. Gülich, Ch. Schapira, Т.П. Третьякова, Т.М. Николаева, Р. Г. Загидулина, J. Cecilia Herrero и др.), с другой стороны, изучается *стереотип сознания* – представление о людях, предметах, ситуациях (J.-C. Ancombre, K. Allan, E. Bartminsky, J. Dobrowska, B. Fradin, H. Putnam, U. Quasthoff, A. Wenzel, A. Schaff, T. A. Van Dijk, P. Schröder, L. Zubatov). Основными разновидностями в рамках лингвистического подхода к изучению стереотипов являются языковые, речевые стереотипы и стереотипы общения. Определение речевого стереотипа, принятое в данной работе, выведено на основании классификации речевых стереотипов с точки зрения семиотики, теории о знаках, которая подразделяется на семантику, синтактику и прагматику. В плане семантики речевой стереотип представляет собой воспроизводимую, то есть употребляемую в готовом виде, лингвистическую единицу, служащую для обмена информацией между коммуникантами. В плане синтаксиса готовой речевой формулой может стать любая содержательно-смысловая единица языка (речи) – слово, словосочетание, предложение, лозунг, поговорка, фразеологизм, крылатое выражение и т.д. С точки зрения прагмалингвистики, речевые стереотипы обладают прагмалингвистической значимостью, так как с их помощью выражаются различные оценочные отношения внутри данной социальной группы в типичных ситуациях. Таким образом, под речевым стереотипом в настоящей работе мы понимаем готовую речевую формулу, быстро и экономно передающую общезначимое и общепонятное содержание в типичных ситуациях общения (приветствие, прощание, знакомство, ситуации делового общения и т.п.) [Олешков 2009, с.59].

Соглашаясь с мнением В.Н. Телия, отмечаем, что языковые и речевые стереотипы различаются между собой в способах номинативной или коммуникативной презентации стереотипа в языковых сущностях [Телия 1996, с. 267]. Другими словами, если речевой стереотип всегда привязан к стандартной речевой ситуации (приветствие, знакомство, прощание) и т.д. и может быть выражен вербально в виде соответствующих речевых клише: рус. «Хлеб-соль», «Добро пожаловать», «Попутного вам ветра!», бур. *Сагаан һараар Сагаалганаар!* ‘С Новым Годом’, *Элүүр энхэ бай!* ‘Будь здоров!’, то языковой стереотип может быть использован вне конкретной речевой ситуации и может выражаться в виде любого устойчивого выражения, используемого говорящими для оценки отнесенности предметов к тому или иному классу на основе семейного сходства [Маслова, 2001, с.109]. Например: рус. *люди в белых халатах*, *быстрый как лань*, бур. *сахилгаан түргэнөөр* ‘с быстротой молнии’, *гэр мал болохо* ‘жениться’ (досл. обзавестись домом, скотом) и т.п.

На современном этапе изучения стереотипов общения основная работа ведется в области выработки терминологии, разграничения понятий формула, клише, стереотип, штамп (В.В. Колесов, Т.М. Дридзе, В.Г.

Костомаров), что свидетельствует об отсутствии общей типологии стереотипов, единого подхода к описанию данных единиц. В современной лингвистике к стереотипам общения отечественные и зарубежные исследователи относят устойчивые сочетания, фразеологические единицы, формулы этикета, клише, пословицы, поговорки, представляющие определенные смысловые стереотипы (В.В. Виноградов 1947; Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров 1982; В.М. Мокиенко 1986; И.А. Бутенко 1995; Г.А. Шиганова 1997; О.А. Дмитриева 1997; Л.Б. Матевосян 1997; Л.Ю. Нестерова 1999; О.А. Луцева 1999; Р. Ратмайр 2003 и др.).

Установлена роль стереотипов речевого общения в межкультурной коммуникации. Первая составляющая связана с достаточно традиционным изучением языковых контактов (в плане возможных типов общения представителей разных языков и культур), которые обычно рассматриваются в рамках четырех типов взаимосвязи языка и культуры: бикультуризм /билингвизм; бикультуризм /монолингвизм; монокультуризм/ билингвизм; монокультуризм/ монолингвизм [Хауген 1972, 1964; см. также Арутюнов 1978]. Каждый из этих типов имеет свои отличительные особенности и в реализации национально-культурных стереотипов общения, поэтому само явление контакта не может быть однозначным для разных типов общения. В связи с этим предлагается выделить типы межкультурных языковых контактов с учетом реализации в них лингвистических и экстралингвистических параметров национально-культурных стереотипов общения [Контакты 1978; 1984; Клюканов 1984].

В параграфе 1.3 «**Стереотипы речевого общения: типология и специфика**» структурируется и систематизируется понятие «стереотип речевого общения» в рамках более общего понятия «стереотип» и рассматриваются его иерархические связи с другими типами и видами стереотипов. Существующие в современной науке трактовки понятия «стереотип» можно разделить на два блока: первый берет за основу когнитивный характер процессов формирования стереотипа. Второй блок определений стереотипа раскрывает его социальный характер: стереотип – это устойчивые формы поведения, которые часто повторяются [Байбурин 1985, с.7-21]; это социокультурно маркированная форма поведения представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативного представления о доступной для него ситуации общения [Прохоров 1997, с. 5-21].

Следуя этим подходам и раскрывая типологию СРО, в нашем исследовании мы рассматриваем в структуре стереотипов речевого общения а) стереотипы языкового сознания, к которым относим национально-специфические стереотипы-концепты, национально-культурные слова-образы; б) стереотипы организации речевого общения (стереотипы коммуникативного поведения).

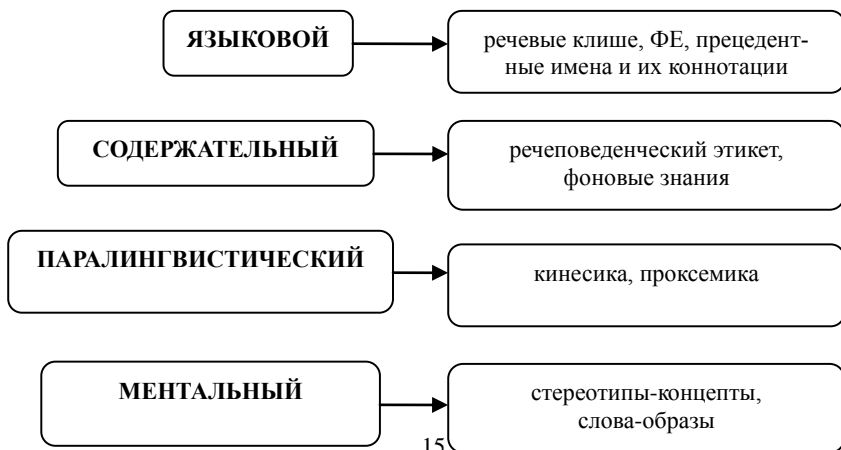
Стереотипы поведения представляют собой инварианты деятельности, в том числе речевой, они определяют поведение (в т.ч. вербальное) в той или иной коммуникативной ситуации. Стереотип как модель поведения связан с определенным национально и социально-исторически детерминированным выбором той или иной стратегии поведения в определенной ситуации [Красных 2002, с.177]. Кроме того, в понятие «поведение» (носителей некоторой культуры) включается большое количество аспектов: кинесика (мимика, жесты), характерная для данной культуры; бытовое (повседневное) поведение, обусловленное традициями, обычаями, укладом жизни, принятыми в данной культуре, а также этикет общения.

Исходя из того, что стереотипы речевого общения реализуются на трех уровнях: язык – культура – мышление, полагаем, что их исследование должно включать:

- описание языковых репрезентантов (речевые клише) – речевые и языковые стереотипы;
- анализ социокультурного содержания (стереотипы поведения (стереотипы организации речевого общения), диалоговые реплики-коммуникативы) – коммуникативные стереотипы;
- построение когнитивных моделей (изучение национально-специфических стереотипов-концептов, национально-культурных слов-образов, бытующих в языковом сознании бурят) – ментальные стереотипы;
- изучение стереотипа как фрагмента языковой и концептуальной картин мира, как специфического культурного кода (фразеологические единицы, прецедентные имена, стереотипы общей картины мира) – культурные стереотипы (схема 1).

Исходя из вышеизложенного, стереотипы речевого общения могут реализовываться по следующим основным уровням общения:

Схема 1 – Уровни общения

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что этнокультурный стереотип речевого общения представляет собой как вербальные, так и невербальные средства коммуникации, отличающиеся устойчивостью, клишированностью функционирования и соотносительностью с тематико-ситуативным, вербально-образным и концептуально-ментальным уровнями речевого общения данной национально-культурной общности.

В параграфе 1.4 «**Интерпретация стереотипов речевого общения в лингвокультурологии**» представлен лингвокультурологический взгляд на исследуемый объект, который дает возможность описать речевое общение как специфический культурный код, выявить культуророспецифичные маркеры общения и речевого поведения его носителей. В рамках настоящего исследования стереотип также рассматривается как фрагмент языковой и концептуальной картин мира и анализируется во взаимосвязи с такими понятиями, как «языковая картина мира», «концепт», «фоновые знания» и «национально-культурная коннотация».

Стереотипы формируются как на уровне образов и концептов, так и на уровне моделей вербального и невербального поведения [Береснева 1994, с. 173]. Концепт определяется как особая структура представления опыта поколений в сознании определенного языкового сообщества, имеющая языковое выражение. Исследование стереотипов как структур представления знаний, концептосферы позволяет судить о ментальной модели действительности, отражаемой в языке и в сознании носителей. Так, например, лингвокультурологический анализ стереотипов речевого поведения бурят осуществляется через анализ аксиологических стереотипов-концептов *хөөрэлдөөн* ‘общение’, *хөөрэлдөөнай ёһо заншал* ‘речевой этикет’, *хүндэишэ зан* ‘гостеприимство’, *хүндэлэгэ* ‘уважение’ как базовых, доминантных черт речевой ментальности бурят.

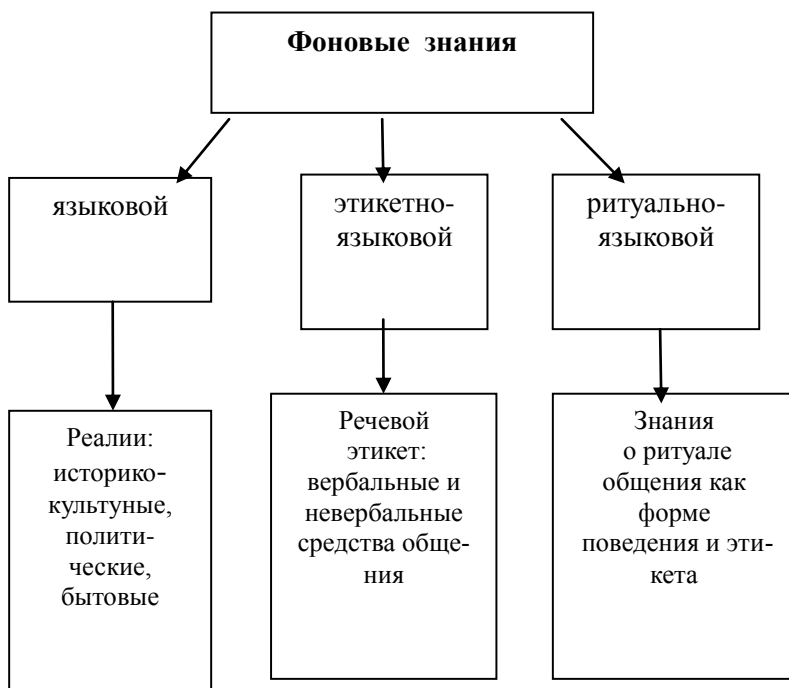
В настоящей главе рассматриваются бурятская языковая картина мира и место стереотипов речевого общения в ней. Как мы уже отмечали, в когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин «стереотип» относится к содержательной стороне языка и культуры, то есть понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с картиной мира. Языковая картина мира (ЯКМ) и языковой стереотип соотносятся как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира. Таким образом, под «языковой картиной мира» понимается совокупность знаний, запечатленных в языковой форме. Рассмотрение национально-культурной специфики языковой картины мира и роли стереотипов в ней позволило прийти к выводу, что картина мира любого этноса отражается именно в содержательной стороне языка, которая становится фундаментом всех культурных стереотипов. Как отмечают многие исследователи, ЯКМ создается при помощи мифов, метафор, коннотативных слов и др. В настоящей работе для раскрытия

взаимосвязи стереотипа и ЯКМ выявлены и описаны ключевые слова бурятской культуры: этноспецифичные концепты и национально-культурные слова-образы.

В рамках настоящего исследования «фоновые знания» как лингвокультурологическое понятие рассматривается с позиций речевого общения. Как известно, стереотипизированные элементы организации речевого общения наряду с языковым, риторическим и паралингвистическими уровнями включают и содержательный уровень, который представляет собой стандартные единицы фонового знания представителей определенной культуры и их место в организации общения. Ученые отмечают, что специфика лингвокультурной общности (нации) и национальной личности есть не что иное, как «определенная совокупность фоновых знаний» [Гусев, Тульчинский 1985, с.17]. Страноведческие фоновые знания как совокупность образов и концептов, на базе которых строится общение, очень важны для расшифровки и интерпретации стереотипов, для их осмысления и правильного толкования.

Схема 2– Структура фоновых знаний

Структура фоновых знаний включает в себя следующие компоненты: языковой, этикетно-языковой (вербально-этикетный), ритуально-языковой. В рамках настоящей работы особый интерес представляет

вербально-этикетный компонент, который соотносится с речевым этикетом и включает наряду с вербальными и невербальными средствами общения (жесты). Вербально-этикетный компонент предполагает осведомленность представителя той или иной культуры о ритуале общения как форме поведения и этикета. К важному элементу фоновых знаний у монголов и бурят можно отнести этикет приветствия «золгохо»: *Зай, гарнуудаа барилсаял даа. Бэримнай ерээ ха юм даа... Танилсаял даа* 'Ну, давайте подержимся за руки, поздороваемся... Невестка приехала... По-знакомимся' [Галанов 1972, с.18]. Содержательный уровень приветствия «золгохо» представляют собой стандартные единицы фонового знания о том, что при знакомстве у бурят принято особым образом подавать руки¹.

В рамках семантического подхода рассматривается коннотация как национально-культурный компонент стереотипа (НКК). Понятие стереотипа переключается с понятием коннотации, определяемой как стандартная устойчивая ассоциация, которую вызывает в языковом сознании носителей языка употребление того или иного слова в данном значении. Например, *сагаан* 'белый' у бурят вызывает ассоциацию с такими свойствами, как чистота помыслов, сакральный, священный. Число «7» у бурят употребляется для выражения неопределенно большого количества или полноты качества, например: *Досоом долоон наран гараа* 'на душе у меня словно семь солнц засияло' (т.е. душа моя исполнилась бесконечной радости). Таким образом, соотнесение языковых единиц с тем или иным культурным кодом составляет содержание национально-культурной коннотации.

В главе II «**Методология и методика анализа стереотипов речевого общения бурят**» описаны методика и методология экспериментального исследования этноспецифичных стереотипов бурятского языкового сознания.

В параграфе 2.1 «**Культурно-языковая ситуация в г. Улан-Удэ**» исследованию подверглись и национально-культурные условия речевого общения бурят в столице Республики Бурятия, которые имеют свои отличительные особенности, отражающиеся в реализации национально-культурных стереотипов общения. На современном этапе этнического развития буряты испытывают определенное влияние русскоязычной среды города, но стараются сохранить этнокультурные традиции своего народа, а следовательно, национальные речеповеденческие стереотипы. Точнее сказать буряты в ситуации монокультуриз-

---

¹ «Золгохо» – это своеобразный обряд приветствия, при котором младший по возрасту протягивает руки ладонями вверх и поддерживает под локти старшего, а тот в свою очередь кладет протянутые руки ладонями вниз. В этом своеобразном жесте приветствия выражаются уважение страшим и обещание помощи и поддержки в случае необходимости.

ма/билингвизма или бикультуризма /билингвизма пользуются в общении своими этническими стереотипами общения, а также учитывают в организации общения специфику стереотипов общения русских.

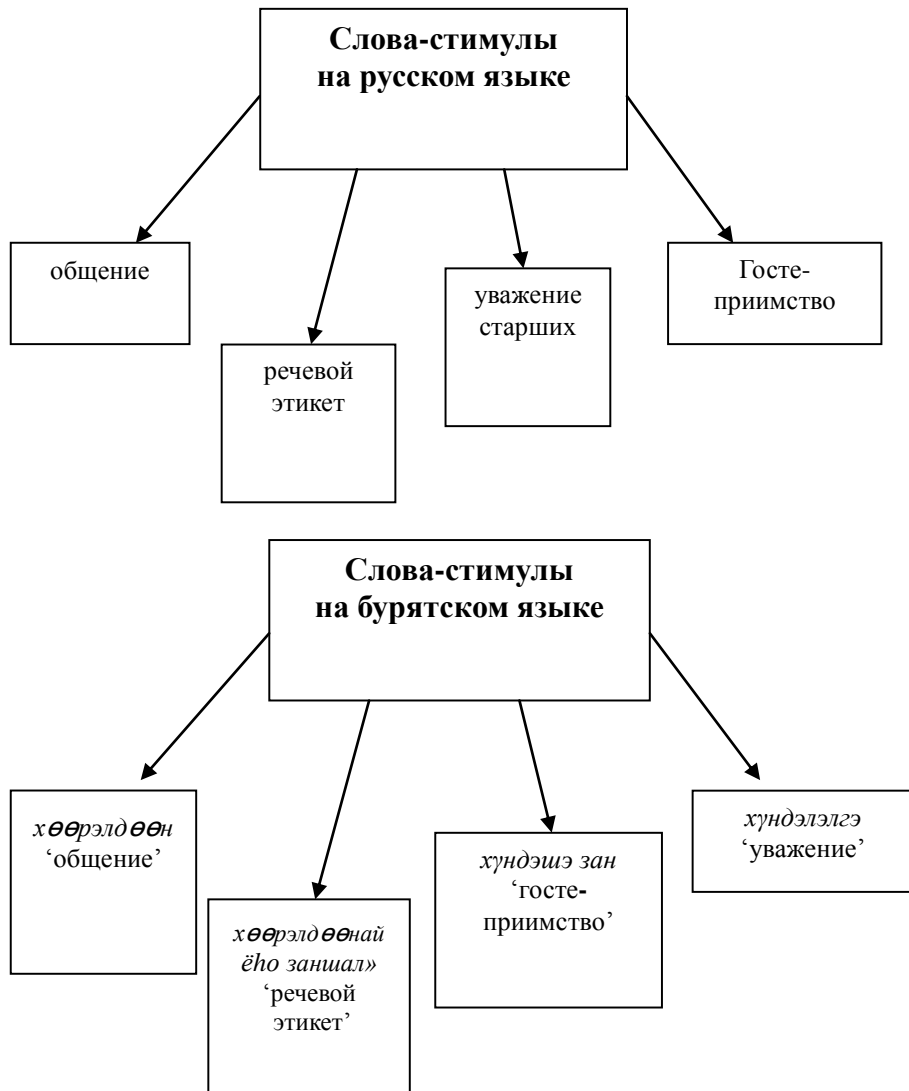
Стереотипы речевого поведения бурят дома, в семье и вне ее формируются различными обстоятельствами. Соответственно, использование бурятского языка зависит от сфер общения. Так, например, давление внешних факторов в общественно-производственной сфере является определяющим, поэтому там бурятский язык востребован меньше всего. Более активно буряты пользуются родным языком в семейно-бытовой сфере, в дацане и культовых местах. В данном случае мы наблюдаем воздействие на речевое поведение, например, молодежи сильного стереотипа речевого поведения в зависимости от сфер общения, срабатывающего вне зависимости от знания языка: в дацане пытаются говорить по-бурятски даже те, кто плохо говорит на нем, а в официально-производственной сфере не говорят по-бурятски даже те, кто хорошо говорит на нем.

В настоящее время стереотип, ассоциирующий бурятскую речь с «головарством», не исчез, а видоизменился: если владеющая родным языком деревенская молодежь демонстрирует тенденцию к предпочтению русского языка бурятскому, то не владеющая бурятским языком городская молодежь сожалеет о незнании родного языка и даже пытается говорить на нем хотя бы на уровне отдельных слов и фраз. В языке эти процессы нашли отражение в лексемах «головар», «дондок», которые имеют значение 'бурят – выходец из сельской местности, выдающий свое происхождение речью, манерой поведения, одеждой и т.д.' и имеют негативную окраску. Таким образом, функция бурятского языка как средства коммуникации сужается, но усиливается его функция как средства этнической солидарности. Если вспомнить, что общинность (клановость) является одной из основных этнопсихологических черт бурятского этноса, то в этом контексте использование родного языка выполняет роль поддержки и актуализации этнической идентичности.

В параграфе 2.2 **«Свободный ассоциативный эксперимент как метод исследования стереотипов речевого общения бурят»** интерпретируется содержание этноспецифичных стереотипов бурятского языкового сознания и анализируются экспериментальные данные. К анализу привлекаются лингвокультурологические исследования констант, концептов, ключевых понятий, ценностей бурятской культуры, которые так или иначе влияют на национальную специфику речевого общения бурят. В рамках свободного ассоциативного эксперимента были изучены этнокультурные концепты, представляющие значимость для речевого общения бурят. Ключевые концепты культуры – это обусловленные культурой ядерные (базовые) единицы, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом. В пределах данного диссертационного исследо-

вания проанализированы концепты, входящие в концептосферу общения:

Схема 3 – Слова-стимулы

В параграфе 2.3 «Принципы описания экспериментального исследования стереотипов организации речевого общения бурят» раскрыто содержание экспериментального исследования стереотипов организации речевого общения бурят, которые включают анкетирование, устный опрос, ранжирование коммуникативных признаков, метод наблюдения, направленный ассоциативный эксперимент, содержательное описание речевого поведения бурят. Используемые в настоящей работе методы позволяют системно и комплексно исследовать стереотипы организации речевого общения бурят.

В главе III «Стереотипы языкового сознания бурят» рассмотрен менталитет как система стереотипов. Исследование стереотипов как структур представления знаний, концептосферы позволяет судить о ментальной модели действительности, отражаемой в языке и в сознании носителей. Репрезентантами стереотипов языкового сознания выступают стереотипы-концепты и слова-образы.

Слова-образы рассматриваются как результат стяжения социокультурных сценариев специфической для данной культуры деятельности. В результате проведенного исследования были выявлены особые слова, концентрированно выражающие уникальные для бурятской культуры понятия: 1) *буян* ‘добродетель’; 2) *сээр, нүгэл* ‘грех’; 3) *Ши хаанахибиш?* (*Ши хаантиш?*) ‘Ты откуда родом?’; 4) *Хамаа үгы (хамаагүй)* ‘сойдет и так’.

В бурятском национальном сознании значимая часть ядерных когнитивных компонентов слова-образа “буян” связана с морально-нравственными представлениями о буян как о сострадании, благотворительности (*буян хэхэ хэрэгтэй* ‘нужно делать добрые дела’, *буян үйлэдэхэ* (22), *туһалха* ‘приносить пользу’, однако важен и пласт религиозных ассоциаций (*обоо тахилга* ‘молебен о ниспослании благоденствия и счастья’, *буян хэшиг ерэбэ-э!* ‘добродетель и благоденствие пришли!’), *угайн хүдэлмэри хэхэ* ‘совершить ритуал поклонения родовым богам’, *дасанда ошохо* ‘посещать дацан’ (11), а также ассоциаций, связанных с душевными качествами человека (*хайн хүн* ‘хороший человек’, *муу ханаангүй* ‘благожелательный’ (букв. без плохих желаний), *хайн ханаан сэдхэл* ‘чистая душа’, *туһатай* ‘полезный’). В базовом слое выделяется группа ассоциаций, связанных с помощью старикам, родителям как обязательном элементе *буян (хүгшэн хүндэ туһалха* ‘помогать старикам’, *эжы абадаа туһалха* ‘помогать родителям’, *хүндэ туһалжа ябах* *хайн* ‘жить с пользой для других – хорошо’ (7).

Стереотипы наставлений и пожеланий со словом *буян* отражают особенности бурятской языковой картины мира. Так, пожелания *буян* связаны с образами *жаргал* ‘счастья’, *баяр* ‘радости’, *талаан* ‘удачи’, *элүүр энхэ* ‘здоровья’ и *ута наһа* ‘долголетия’. При анализе полученных ассоциаций стало очевидным влияние экстралингвистических факторов (таких как культурно-исторические особенности развития нации, соци-

ально-личностные характеристики информанта и т.п.) на формирование смысловой структуры изучаемого слова-образа.

Проведенный свободный ассоциативный эксперимент позволил выявить смысловую структуру слова-образа *нүгэл* в бурятском национальном сознании. Так, значимая часть ядерных когнитивных компонентов анализируемой лексемы связана с представлениями о *нүгэл* как о морально-нравственном преступлении: *хүнэй юумэ хулууха* ‘воровать’ (10), *хунише*, – *амитадые алаха* ‘убивать человека’ (9), *ама хэлэнэй нүгэл* ‘злословие’ (7), а также с загрязнением окружающей среды *газар дайда-яа бузарлуулха* ‘загрязнять окружающую среду’ (12) и с грехами, совершаемыми на бытовой почве: *наранай ороһоной һүүлээр үһэээ (хюмһаа) абахагүй, сээрлэхэ* ‘нельзя стричь волосы (ногти) после захода солнца’, *һамган хүндэ үмдөөр дасан ошоходо сээртэй* ‘женщинам нельзя отправляться в дацан в брюках’.

В этической сфере эмпирические признаки слова-стимула *нүгэл* связаны с такими понятиями как *муу һанаан* ‘черные думы’, *хорон*, *муу* ‘злодеяния’, *муу юумэ хэхэ* ‘совершать плохие черные дела’. На словостимул *нүгэл* также были получены такие реакции респондентов, как ‘измена’, ‘унижение’, ‘оскорбление’, что нашло отражение в следующих речевых стереотипах: *нүхэрөө мэхэлхэдэ – нүгэл* ‘изменять мужу – это грех’; *атаан доромжолхо – нүгэл* ‘унижать, оскорблять – это грех’, *наһатай хунише, ухибуудые харахагүй – нүгэл* ‘не ухаживать за стариками, детьми – это грех’.

Лингвистический анализ слова-образа “*хамаа үгы*” показал многозначность данного понятия: 1) может использоваться в нейтральном значении ‘без изменений’, ‘нормально’: *Сай уухагша?* – Будешь пить чай? – *Хамаа үгы*, *би эдээлээд ябанаб*. – Не беспокойтесь, я поел; 2) безразличие, отсутствие заинтересованности в совершении или наступлении какого-либо события: *Шамда хэрэгтэй гү али үгы гү?* – Тебе (это) нужно или нет? – *Намда “хамаа үгы”* – Мне без разницы; 3) выражает примирение с ситуацией, согласие со случившимся, принятие ситуации такой, какая она есть: *Би шини ном үгы болгооб*. – Я потерял твою книгу: *Хамаагүй*. *Ондoo ном абахаб*. – Ничего страшного, возьму другую; 4) *Хамаа үгы* используется в том случае, когда говорящий не придает чему-либо особо важного значения: – *Ши сай али кофе уухаш?* – Ты будешь чай или кофе? – *Хамаа үгы*. – Мне все равно.

Понятие “*хамаа үгы*” достаточно многозначно и в эмоциональном плане, может передавать различные оттенки. Так, например, с помощью “*хамаа үгы*” может быть выражена обида на кого-либо: *Энэ хүн юу хэхэб, намда хамаагүй* ‘мне не важно, что будет делать этот человек’. “*Хамаа үгы*” может передавать безразличие, равнодушие: *Намда “хамаа үгы”*. *Өөрөө мэдьши!* ‘Мне без разницы. Сам смотри’. Данное выражение может использоваться как реакция на нелицеприятное мнение, на критику со стороны: *Өөрынгөө тухай муу үгэ дуулахадаа хамаагүй гэ-*

дэгби. 'Когда слышу о себе нелестный отзыв, я говорю «*хамаагүй*»'. Эксплицитный смысл *хамаа үгы* здесь заключается в невысокой значимости высказанного отзыва в мнении говорящего. В ситуации, когда не хотят кого-либо затруднять, обычно говорят: *Хамаа үгы. Бээ бу зобоогты* 'не утруждайте себя'.

Дополнительным подтверждением актуальности выражения *хамаа үгы* в речевой практике бурят можно считать синонимическую плотность в выражении данного понятия: 1) в синонимический ряд с *хамаа үгы* входят выражения *яхаашигүй*; *яхаб даа*, *игээд лэ байг* 'ничего, нормально'; 'что поделаешь, пусть будет так'; 2) в бурятском молодежном сленге было замечено употребление в значении *хамаа үгы* заимствованного жаргонизма «ништяк» в форме *ништягдаа* 'нормально'. Как видим, это слово грубого, заниженного регистра адаптировано с помощью бурятского суффикса *-лдаа*; 3) близкими по значению к понятию *хамаа үгы* можно считать выражения: *бараг*, *бараг юм ааб даа!* 'неважно, пустяки'; *hanaагаа бү зобоо!* 'ничего, не беспокойся!'; *бараг хайн* 'сносно' [Буряад-ород толи, 2008].

В бурятской коммуникативной культуре традиционный вопрос *Ши хаантши?* 'Откуда ты родом?' представляет собой формулу вежливости, которую можно сравнить с вопросом *Как дела?* в русской культуре. Специфика проявления выражения *Ши хаантши?* обусловлена разделением представителей бурятской национальности на различные территориальные и родовые группы (восточные буряты, западные буряты, сонголы, эхириты и т.п.). Основаниями для деления бурят на различные группы являются: диалектные различия, различия в исторически сложившихся видах деятельности, разное вероисповедание (западные буряты – шаманизм, христианство, восточные буряты – буддизм). В разговорной речи бурят выражение *Ши хантши?* (лит. *Ши хаанахибиши?* 'Откуда ты родом?') является одним из ярких лакунарных речевых стереотипов, в котором заложена идея связи рода, семьи, дома и родины предков. Раньше на семейных праздниках у бурят диспуты открывались с вопросов молодым гостям: *Та ямар угай хүнэбтэ?* 'Какого вы рода человек?' За этим обычно следовала просьба назвать родню по линиям отца и матери до седьмого колена, включая самого себя.

В современной речевой практике бурят выражение *Ши хантши?* 'Откуда ты родом?' обычно используют в ситуации знакомства, так как эта фраза помогает завязать беседу. Ведь чаще всего вторым вопросом следует: «А вы знаете того (или другого) человека?» Это играет роль, например, при трудоустройстве, в разговоре младших со старшими. Если бурят хочет с вами познакомиться поближе, он обязательно задаст этот вопрос, чтобы знать, как дальше вести себя с вами, как строить дальнейшее общение: *Танилсахадаа гу али түрэл хэлэээ (али аялга гу) хаанаб даа шагнахадаа нэн түрүүн хаантхибиши гэжэ һонирхдог* 'При знакомстве или услышав родную речь (диалект), в первую очередь

спрашивают «Откуда ты родом?» Речевой стереотип *Ши хантшии?* ‘Откуда ты родом?’ обладает контактоустанавливающей, эмотивной функциями. Так, узнав, откуда вы родом, буряты, хорошо владеющие разными диалектами бурятского языка, могут перейти на диалект собеседника, тем самым стремясь расположить его к себе и настроить на общение: *Ямар нэгэ үгэ элдэбын диалектнүүд дээрэ яажа хэрэглэгдэдэг бэ гэжэ һонирхоходоо «хаантшии» гэжэ һурадаг* ‘Чтобы узнать, какое значение имеет (то или иное) слово в разных диалектах, люди спрашивают ‘Откуда ты родом?’

Изучение концептосфер русского и бурятского языков показывает, что концептуализация физического мира не универсальна и каждый из естественных языков оперирует «этнически специфическими концептами». Для нашего исследования принципиально важными выступают ключевые концепты, которые являются основой этнокультурных речевых стереотипов бурят и оказывают влияние на их речеповеденческие особенности. Ключевые понятия в национальном сознании бурят обуславливаются тематикой концепта и высокой частотностью употребления; они проявляются на лексическом уровне в языке и речи бурят; формируют систему ценностей, которая является основой национального характера и речевого поведения бурят. В работе проанализированы следующие этноспецифические концепты *хөөрэлдөөн* ‘общение’, *хөөрэлдөөнэй ёһо заншал* ‘речевой этикет’, *хүндэшэ зан* ‘гостеприимство’, *хүндэлэгэ* ‘уважение’.

Концепт *хөөрэлдөөн* ‘общение’. Становясь участниками межэтнических контактов, люди оказываются в ситуации соприкосновения разных языковых картин, взаимодействия разных языковых сознаний. Несовпадение этнических стереотипов, моделей поведения, в том числе речевого, порой ведет к непониманию представителями разных национальностей друг друга. Как показало проведенное бурятскими учеными С.Ц. Чимитовой и З.Б. Бадмаевой исследование, среди бурят доминируют люди с коллективистским типом восприятия группы и ее членов, поэтому стереотипными могут считаться такие бурятские коммуникативные категории, как стремление не допускать дискомфорта в межличностном общении, обходить острые углы, умение владеть собой, контролировать свое поведение и эмоции [Бадмаева, Чимитова, 1997, с. 69]. К этнокультурным особенностям речевого общения бурят можно отнести следующие: плавный неторопливый ход беседы, сдержанность в речи *ама бариха* ‘держат язык за зубами’, а также недопустимо перебивать старших, браниться и разговаривать громко в присутствии старших, обычай *хадам* (почтительное иносказание).

На материале проведенного ассоциативного эксперимента была выявлена этнокультурная специфика общения бурят, которая проявляется в стереотипных моделях речевого поведения. Единицей изучения фрагментов языкового сознания стал концепт *общение*. Так, русскоязычные

буряты под общением понимают *обмен информацией (4), беседу (3), разговор (3), обмен новостями (3), диалог (2), сплетни (2)*. Общение может быть *с глаза на глаз, или тет-а-тет (2), по телефону (2), Интернету (2)*. Чаще всего буряты общаются *с друзьями (11), затем с родственниками и близкими (4), меньше всего – с детьми и коллегами (2)*. Достаточно разнообразны эмоциональные характеристики общения: *общение согревает душу (2), интерес, радость (3), раскрыть душу, удовольствие, сближает, ожидание общения, желание общаться, сострадание, смех (4), интерес, радость (3)*. Данные характеристики подчеркивают, что для русскоязычных бурят является поддержание душевного контакта, ощущение эмоциональной близости с собеседником. И в то же время в связи с нарастанием темпа жизни в городе общение может быть сведено к минимуму, и поэтому часто возникает непонимание.

Буряты-билингвы считают, что *хөөрэлдөөн хүнүүдые холбоодог* ‘общение объединяет людей’, *тэрээнгүйгөөр яажашье болохогүй* ‘без него никак нельзя’, *хөөрэлдөөн хүнүүдтэ туһалдаг* ‘общение помогает людям’. Данная группа бурят выделяет следующие важные характеристики концепта *хөөрэлдөөн*: разговор может быть *һонирхолтой, һонин(2)* ‘интересный’, *хүхюүтэй* ‘веселый, радостный’ (2), *юрын* ‘обычный’, *зүрхэнэй хөөрэлдөөн* ‘душевный разговор’, *хэрэг (2) хэрэг бүтээдэг* ‘по делу, деловой’. К этнокультурным особенностям речевой культуры бурят можно отнести то, что они в общении соблюдают субординацию, проявляют традиционное уважительное отношение к старшим: *аханар хүндэ «таанар» гэжэ хандагты* ‘К старшим обращайтесь на ‘Вы’. Значимы и такие национально-специфичные характеристики как немногословие, сдержанность, терпеливость, что нашло отражение в традиционных пожеланиях, напутствиях, бытующих в языковом сознании изучаемой этногруппы: *Олон үгэ олзо үгы, ганса үгэ гарза үгы* ‘От многословия нет пользы, от одного слова нет ущерба’; *эрэ хүнэй зосоо эмээлтэ морин багтаха* ‘Мужчина должен быть терпеливым’ (досл. в груди мужчины поместится конь с седлом).

Концепт *хөөрэлдөөнэй ёһо заншал* ‘речевой этикет’. Концептуальное поле концепта *хөөрэлдөөнэй ёһо заншал* ‘речевой этикет’ структурируется понятийным, ассоциативно-образным и ценностным компонентами и следующими микрополями: «традиции и ценности» и «коммуникативные категории». Понятийное поле концепта «*ёһо заншал*» включает в себя представление о «*хөөрэлдөөнэй ёһо заншал*» как о своеобразном этикете, как о реальности, регулирующей бурятскую жизнь. Концепт *хөөрэлдөөнэй ёһо заншал* охватывает план содержания слова: денотативное и коннотативное, которое отражает представления носителей данной культуры об общении во всем многообразии ее ассоциативных связей.

Рассмотрение концепта *хөөрэлдөөнэй ёһо заншал* в микрополе «тра-

диции и ценности» позволило выявить такую релевантную этнически-маркированную черту характера представителя бурятского этноса, как уважение к старшим, признание их опыта и мудрости, которая легла в основу коннотации ФЕ со значением процесса речи: *Хүгшэн нохойн хусахан уур сайса, үбгэн хүнэй хэлэхэн дууһасаа* 'лай старого пса вплоть до утра, сказанное стариком на всю жизнь', *хүгшэн шоно мэхэдэ орохогүй* 'старого волка не обманешь'. Анализ включенного наблюдения этикетных ситуаций у бурят позволяет констатировать, что бурятский вербальный стиль взаимодействия и общения отражает высокую степень согласия с другими людьми, ориентирован на приспособлении к ситуации, к собеседнику, отражает заботу о гармонии социальных отношений.

Содержание «коммуникативной категории» представляет собой некоторую (не очень жестко) упорядоченную совокупность суждений, установок, ментальных стереотипов, правил, касающихся речевого общения. Данная категория содержит определенное концептуальное знание о коммуникации (информационный аспект, информационная составляющая категории), а также «прескрипции», предписания по осуществлению коммуникативного процесса (правила общения). Наиболее значимой коммуникативной категорией для сценария речевого поведения бурят является категория сдержанности, умения владеть собой, контролировать свое поведение. Сдержанность в выражении эмоций, сокрытие подлинных чувств – типичная черта монгольского и бурятского национального характера: *Балжид тэдэнэй хажууда ерэжэ: – Бээ бариял даа, зүү. Эжыгээ хайрлажа, бээ бари даа, Дулма* 'Не смей. Не нарушай обычая. Нельзя нам плакать, – глухо сказала Бальжит' [Цырендоржиев 1975, с. 148]. У бурят не приветствуется слишком открытое и явное проявление как позитивных, так и негативных эмоций: *«Не люблю судить человека с чужих слов, – сдержанно ответил Банзар, – и наспех, боюсь судить...»* [Цыдендамбаев 1981, с. 314].

Соответствует концепту *хөөрэлдөөнэй ёһо заншал* и такая категория, как верность данному слову или обещанию. Если уж дал слово, то во что бы ни стало надо сдерживать его. Такое качество прививалось у бурят с детства. Например: *Хэлэхэн үгэдэ бу этигэ, хэлэн хэрэгынь хаража үзэ* 'Не верь сказанным словам, а смотри на его дела'. Если представители русского этноса более ориентированы на общение, коммуникацию, то представители бурятского этноса более ориентированы на партнера, на его восприятие: *үгэ хүүрээ ойлголсохо* 'найти общий язык'; *үгэ ханалаа нэгэдэхэ* 'стать единомышленниками' (букв. слова, думы объединить); *хүнэй үгэ дуулаха дурагүй хүн дүлиһоо дүжэр* 'кто перестает прислушиваться к людским словам, тот более невосприимчив, чем глухой'.

В бурятской коммуникативной культуре ценится такое качество, как умение слушать: *лучше хорошо молчать, чем плохо говорить; молчание – брат (или: знак, признак, половина) согласия; проглотил язык, как*

мертвый, как стена, как пень. В разговоре буряты стараются ничем не обидеть собеседника, проявлять уважение: *уурһэн шархан эдэгэдэг, үгэн шарха эдэгэдэггүй* ‘рана от порезов заживает, а рана от слов не заживает’. В свод правил *хөөрэлдөөнэй ёһо заншал* входят и такие коммуникативные категории, как остроумие, красноречие, умение искусно вести беседу: *үгэ хэлэндэ бэрхэ* ‘красноречивый’; *Уран хүнэй хурган хурдан, ухаатай хүнэй үгэ сэсэн* ‘Умелого человека пальцы быстрые, а умного человека слова – мудрые’.

Анализ эмпирических данных показал, что для русскоязычных бурят понятие *речевой этикет* включает такие понятия, как *воспитание* (8); *культурная норма, культура общения, культура речи* (7), а также *вежливость* (4). Соблюдение речевого этикета предполагает соблюдение определенных *церемоний* (2) и *традиций* (2), например, этикет приветствий. Содержание концепта *речевой этикет* включает понятия, отражающие основные коммуникативные характеристики бурят: *грамотность* (2), *культура речи, лаконичность, богатый словарный запас, слово – не воробей, вылетит – не поймаешь, молчание – золото, слово – серебро, пошутить по-доброму, поддерживать разговор*. Особенно русскоязычные буряты обращают внимание на такую характеристику речи, как *корректность* и *правильность*, не стоит использовать *слова-паразиты, употреблять нецензурную лексику, говорить по-головарски*. Этнокультурная специфика речевого этикета проявляется в том, что буряты *уважительно здороваются при встрече, обращаются к старшим на «Вы»* (3), *соблюдают дистанцию, проявляют сдержанность* в разговоре, *терпимость* к собеседнику, *знают юролы*.

Буряты-билингвы считают, что обязательно надо *ёһо заншалаар ябаха хэрэгтэй, мэдэхэ хэрэгтэй* (23) ‘надо знать и соблюдать правила этикета’ и *ёһо гурим сахиха хэрэгтэй, үхибүүдтээ дамжуулхаяа оролдохо* ‘передавать детям правила этикета от поколения к поколению’. Также буряты *ёһо заншалаа мартахагүй* (6) ‘не должны забывать правила этикета’. Этнопсихологические особенности речевого этикета проявляются в следующих характеристиках: *негромкая речь, не стоит задавать лишних вопросов, перебивать собеседника*. Данные установки связаны с такой национально-психологической особенностью бурят, как готовность к подчинению групповым нормам и ценностям.

Концепт *хүндэиэ зан* ‘гостеприимство’. Анализируемый концепт выступает как один из значимых объектов когнитивного мышления коммуникантов-бурят, а также является репрезентацией, имеющей в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона (стереотипа) определенной ситуации общения. Концепт *хүндэиэ зан* ‘гостеприимство’ у бурят непосредственно связан со следующими аспектами: *«встреча гостя», «уважение», «почтение», «радушие», «угощение»*. Анализ художественной литературы, фразеологизмов, пословиц и поговорок позволил выделить основные признаки концепта «госте-

примство», актуальные для бурятской языковой картины: **открытость, радушие**: *хүндэлхын найгаар хүндэлхэ, хүндэлхысэ хүндэлхэ* ‘угощать от всей души’; *Эдээгэ харамнаашье бол, баясхалангай дүрөөр айлишание хүндэлхэ* ‘Хотя тебе жалко еды, но с радостным видом угощай пришедшего’ (Галшиев); *«Здравствуйте! – приветствовал нежданных гостей пожилой арат. – Здоровы ли? Хорош ли путь? Обычай степей: на доброе слово отвечать добрым словом, на шутку – шуткой, а на чашку чая – признательностью. Как бы ни был беден арат, он не отпустит гостя, не попотчевав его. Прими из рук хозяина чай, вылей этот пахучий настой, уважь обычай степей»* [Батожабай 2002, с. 147]; **приверженность к традициям, обрядам, ритуалам**: *Хүндыемнай баригты!* (закам. Отведайте нашего хлеба-соли!); *хүндэн дээжэ тамхин, хуурэй дээжэ мэндэ* ‘первое угощение – табак, лучшее слово – приветствие’; (прим.: раньше церемония приветствия у бурят включала в себя такой обязательный элемент, когда хозяин и гость взаимно угощают друг друга табаком и начинают неспешный разговор); *Кого проводили без почестей, не встретят с бараньей головой на блюде²*; **отношение субъекта к объекту**: *хүндэишэ хүн* ‘хлебосол’; *хүндэишэ ямба шаан зон* ‘почетные гости’, *эгээл хүндэ ямба ехэтэй айлиан* ‘очень почетный гость’; *хүндэ хүшэ, хүндэлэлгэ* ‘чествование, уважение, угощение, прием’, *хүндэтэйгөөр хандаха* ‘почитать, чествовать’; *«Бабжа слез с коня и передал повод недоуздка мужчине лет 40-45. Доехали хорошо. – А вы как доехали? – Тот привязал лошадь Бабжи к сэрэгэ и с некоторым почтением, отступив на два шага, оглядел огромного гостя»* [Гармаев 2011, с. 226]; **благодарность гостей хозяевам**: *Заа, танайдаа найса хүндэлүүлбэ гээшэб* ‘уж, удостоился я вашего угощения’; *баяраа мэдүүлхэ* ‘быть довольным, благодарным. Концепт *хүндэишэ зан* ‘гостеприимство’ может быть представлен в когнитивных моделях: фреймах и сценариях.

В отношении к главному элементу фрейма «гостеприимство» – гость – бурятское языковое сознание обнаруживает такие отличительные особенности, как выражение терпимости, теплоты и доброжелательности. Любого человека, независимо от национальности и вероисповедания, буряты встречали *хүндэмүүшэ найханаар угтаха* ‘с большим радушием’, делили с ним кров и еду.

Концепт *хүндэишэ зан* ‘гостеприимство’ может рассматриваться также в виде сценария, этапы которого представлены следующим образом: первый этап сценария «Приветствие» играет важную роль и получил свое отражение в описании ритуалов встречи, включающих рукопожатие, объятия, расписос о благополучии, особый ритуал рассаживания гостей: *Морилжо хайрлыт!* ‘Добро пожаловать!’ *Гэртэ морилжо хайрлыт!* ‘Пожалуйте в дом!’ *Морилжо нуугты* ‘Садитесь, пожалуйста!’;

---

² Баранья голова у бурят считается символом уважения и преподносится особо почетным гостям.

Хаанаһаа хаана хүрэтэр морилжо ябанабта? ‘Откуда и куда изволите ехать?’ Хойморто морилыт! ‘Пожалуйте на почетное место!’; гэрэй эзэн эхэнэр айлианай урда табсан табяад, сай аягалжа, заабол хоёр гараараа гартань барюулһанай хүлээр сагаан эдэстэй табгаг табяад, гэдэргээ сухарижа: «Табгаг баригты», гээд дохихо ‘Хозяйка ставила перед гостем низенький столик, наливала чай и обязательно обеими руками вручала ему чашку, затем ставила тарелку с белой пищей и, отступив немного, говорила с поклоном: «Откушайте, пожалуйста!» [Буряад-ород толи 2006 т. 1, с. 220].

Этнокультурную специфику изучаемого концепта отражают безэквивалентные слова – понятия (лакуны), применяемые в национальном жанре гостеприимства и не имеющие смыслового аналога в других языковых системах: *хадаг*, *хадаг бариха* ‘сложенная узкая шелковая ткань, которую подносят в знак почтения и добрых пожеланий’ (16), *хонинтөөлэй* ‘голова барана’ (7), *сагаан эдээн* ‘белая пища’ (9), *суутэ сай* ‘чай с молоком’ (4), *юрөөл* ‘благопожелание’ (5), *бэлэг* ‘подарок’ (4), *хонин* ‘баран’ (2). Гостеприимство у бурят связано со следующими понятиями, которые являются его составляющими: *сагаан эдээн* ‘белая пища’, *хонин төөлэй* (голова барана – в сваренном виде подносят почетному гостю) и *хадаг* (подносят гостям в знак почтения и добрых пожеланий).

В качестве именно лакунарного потенциала вербализации концепта *хүндэшэ зан* ‘гостеприимство’ выступают лексемы ценностного компонента, которые в контексте помогают объективировать смыслы микрополя «приветствие» и «встреча гостя». Так, например, коннотативный смысл лексем *хадаг бариха* ‘преподносить хадак’ заключается в том, что при встрече гостей у бурят в знак уважения и почтения к гостям им дарят *хадаг*. В свою очередь, *хадаг* символизирует собой чистоту и бескорыстие дарящего, дружеское и радушное отношение хозяина к гостям. Данный обряд в культурном смысле является лакуной для представитель русской культуры.

Эмпирическая репрезентация изучаемого концепта показала, что гостеприимство в представлении русскоязычных бурят – *национальная черта бурят, основной закон у бурят* (9), респонденты отмечают, что это *черта, свойственная добрым людям* (2), гостеприимство также является *традицией, обычаем* (5). При этом буряты стараются *накрыть стол* (6) гостям, проявляют *уважение к старшим* (3). Понятие «гостеприимство» вызывает у русскоязычных бурят и такие ассоциации, как *уют* (2), *тепло* (2), *дом* (2). В их представлении, гостя, прежде всего, нужно обязательно *накормить, притом лучшей пищей, которая есть в доме* (8), и *напоить чаем* (4). Тогда как у бурят-билингвов на первом месте – *айлианише хүндэлхэдөө, айлианаа һайнаар хүндэлхэ* (57) ‘проявить уважение к гостю, встретить гостя с большим уважением’. Здесь отражается традиционное отношение к гостю как к *хүндэшэ ямбаши зон*

‘почетные гости’, поэтому гостя надо обязательно *хүндэтэйгөөр хандаха* ‘почитать, чествовать’, можно *хойморто хуулгаха, хүгшын айлиан хойморто*(4) ‘почетных гостей у бурят саят на хоймор’ (почетная северная сторона жилища). Затем *айлианише сайгаар угтаха, айлианише халуун сайгаар угтаха хэрэгтэй* ‘напоить чаем’, *айлианише саган эдэгээр угта* ‘потчевать гостей белой пищей’, *сагаан эдэгээр хүндэлхэ сагаан эдээн* (29) ‘накормить белой пищей’, *халуун эдээн* ‘горячая пища’, *халуун эдэгээр хүндэлхэ ёһотой*(2) ‘накормить горячей пищей’.

Русскоязычные буряты при встрече гостей испытывают *радость* (15), с гостями обычно *общаются* (9), делятся *новостями* (4), ведут *разговоры* (2). Буряты-билингвы подчеркивают, как вести себя в гостях: *айлда ошоходоо – амар, гэртэнь ошоходо – хомор* ‘ходить по гостям легко, а принимать гостей дома непросто’; *орожо хайрлыт, хүлгөөтэй, айлиан иэнгээр бай* ‘прошу проходить, будьте гостями’; *мүнөөдэр манайдаа айлашлжа ерэнэдтнэй хайн хайханише хүргэнэбди* ‘за то, что вы сегодня пожаловали в гости, искренне благодарю’. Таким образом, выявленный обширный образно-ассоциативный ряд концепта *хүндэишэ зан* ‘гостеприимство’ связан с этнокультурной спецификой бурятской культуры, а именно с традицией гостеприимства, являющейся одной из самых главных и значимых.

Концепт *хүндэлэлгэ* ‘уважение’. Одним из важнейших понятий сферы человеческих отношений выступает понятие «уважение». До настоящего момента данное понятие не подвергалось концептуальному анализу в лингвистических исследованиях, поэтому считаем актуальным и необходимым его всестороннее изучение, в том числе с точки зрения его отражения в национальном языковом сознании.

Основной, актуальный, активный слой концепта *хүндэлэлгэ* ‘уважение’ зафиксирован в пословицах, поговорках, ФЕ, а также в бурятско-русском словаре Л.Д. Шагдарова и К.М. Черемисова (2008). В ходе изучения значений слова *хүндэлэлгэ* ‘уважение’ в бурятском языке можно выделить следующие концептуальные признаки: 1) признание важности, значимости, ценности; высокая оценка чего-либо – *честь, почет, вес: хүндэтэйгөөр хандаха* ‘относиться с уважением’, ‘оказывать почет’, *нэрэ хүндын хэрэг* ‘дело чести’; 2) преклонение перед властью, силой, авторитетом, репутацией: *хүндэ ямба* ‘почет’, ‘вес’, *хүндые ехэ болгохо* ‘поднимать авторитет’, *хүндэтэй болохо* ‘приобретать авторитет’, *ноёдые хүндэлэлгэ* ‘уважать начальство’; *Шабинарай анхарал хүндэлэлгэ багшада ехэ хайра юм* (Ц. Номтоев) ‘внимание и почитание со стороны учеников – большая награда для учителя’; 3) составляющая этикета – достоинство, почтительность, чувство долга: *Хүндээе унагаахагүй хэрэгтэй* ‘Не следует ронять свое достоинство’; *хүндэдэ* ‘в честь кого-либо из почтения’; *ерэнэн айлианай хүндэдэ* ‘в честь приехавшего гостя’; *эрхим Хүндэтэ* (книжн.) – ‘глубокоуважаемый’; *Хүндэтэ үбгэд!* – Почтенные старцы! (при обращении к старикам), *үгынь хүндэдхэн* ‘из почтения,

уважения к его словам’.

В бурятском дискурсе речевой стереотип *хундын ехээр дохихо* ‘почтительно кланяться’ может быть применим в отношении к старшим и к представителям буддийского сословия и реализуется в таком стереотипе невербального поведения, как уважительное приветствие лам верующими бурятами, выражающемся в поклонах, вставании на колени. В до-полнительных, “пассивных” признаках своего содержания концепт *хүндэлэлгэ* ‘уважение’ имеет толкование *угощение: хүндэ табиha* – ставить угощение; *хүндэлхын һайгаар хүндэлхэ, хүндэлхысэ хүндэлхэ* – угощать от всей души, *хүндэмүүшэ һайханаар угтаха* – гостеприимно встречать, *элбэг дэлбэг хүндэ* – роскошное (букв. обильное) угощение, удостоиться угощения. *Заа, танайдаа һайса хүндэлүүлбэ гээшэб, ябажа үзэхэм даа* ‘Уж удостоился я вашего угощения, пойду-ка как-нибудь’.

Таким образом, культурологический концепт *хүндэлэлгэ* ‘уважение’ соотносит поведение индивидов, в том числе речевое, с ситуацией общения, в которой они находятся, и предполагает внимательное, корректное отношение к партнерам по коммуникации, особенно старшим по возрасту, по социальному статусу (начальник, лама). Формирующийся на основе концепта *хүндэлэлгэ* ‘уважение’ одноименный дискурсивный принцип культурно и исторически опосредован: исходя из принятых в данной лингвокультурной общности ценностей и норм поведения, в том числе речевого, языковой личностью определяются стратегии уважительного речевого поведения.

Как показывают исследования, буряты частично сохраняют традиционную трехпоколенную структуру семьи, и главную роль в этом играют поддержание и возрождение национальных обычаев и традиций. Не случайно поэтому старшее поколение у бурят пользуется уважением и почитанием в семье. Уважение к старшим как главная этическая ценность бурятской культуры основывается на традициях коллективистского сознания. В этом древнем национальном обычае заложен смысл единения рода, поэтому у бурят и по сей день практически не возникает ссор и раздоров среди близких родственников. Данная традиция во многом обусловила следующие речеповеденческие стереотипы бурят: а) обращаться на «Вы» ко всем старшим родственникам без исключений (даже если он старше на год или два); б) во всем слушаться родителей или хотя бы прислушиваться к их мнению во всех делах; в) знать свою родословную до седьмого колена, в крайнем случае, знать свой род; г) поддерживать отношения со всеми своими родственниками близкими и дальними.

Концептуальное поле понятия *хүндэлэлгэ* ‘уважение’ структурируется понятийным, ассоциативно-образным и ценностным компонентами. Концепт *хүндэлэлгэ* ‘уважение’ у бурят непосредственно связан со следующими аспектами: *аха захаа хүндэлхэ* ‘уважение старших’, *айлшадые угталга* ‘встреча гостя’, *хүндэлэл мургэл* ‘почитание, поклонение’ *ёһо*

занишал 'национальная традиция'.

Языковое обозначение концепта *хүндэлэлгэ* 'уважение' может быть представлено в виде фрейма, который формируется за счет понятий, ассоциирующихся с уважением. К ним относятся понятия, частично синонимизирующиеся с уважением: *респект, авторитет, чествование, почет, признание, самоуважение*. Каждое из этих ключевых понятий образует некие смысловые поля, которые частично пересекаются между собой и наполняются определенной лексикой. Так, для русскоязычных бурят уважение – это: *поклонение (3), воспитанность (3), симпатия, дистанция, гостеприимство, любовь, культура, речевой этикет, душевность, семья, главное качество человека, скромность, сознательность*. Ценностный компонент исследуемого концепта включает в себя представления о том, что *уважение надо заслужить, уважают твоё мнение, когда к тебе прислушиваются*. Также опрошенные респонденты считают, что *уважение более развито на селе*. Рассматривая данное понятие с эмоционально-ценностной стороны, выявляем и такую характеристику: *любовь проходит – остается уважение*.

Примерно одинаковым выглядит распределение ответов обеих исследуемых групп на вопрос по отношению к кому они испытывают уважение. В группе русскоязычных бурят первую позицию занял ответ: *1) младших к старшим (23); аха захаа хүндэлхэ, хүгшэн зоншиё хүндэлэлгэ (29)*. На второй позиции ответ: *к родителям (5); аба эжыгээ хүндэлхэ (15)*. При этом следует отметить, что большее уважение к родителям испытывают буряты-билингвы (соотношение 5 к 15). И на третьей позиции у русскоязычных бурят стоит ответ: *уважение к другому человеку (4)*, а также *к природе, ко всему окружающему, к землякам, ко всем бурятам, к близким, к родственникам, к студентам*. В группе бурят-билингвов: *багша (3)* 'уважение к учителю', *айлшадыё хүндэлэлгэ (3)* 'уважение к гостю', *нүхэдүүд хүндэлэлгэ (2)* 'уважение к друзьям', *бурхан хүндэлэлгэ* 'уважение к богу', *түрэлхид хүндэлэлгэ* 'к родственникам', *ноёдыё хүндэлэлгэ* 'к начальству'.

Языковое обозначение концепта *хүндэлэлгэ* 'уважение' у бурят-билингвов формируется за счет понятий, ассоциирующихся с уважением: *хүндэлэгшэ хүн, хүндэтэй хүн (2)* 'уважаемый человек'; *амаршалга* 'приветствие', *хүндэлжэ-амаршалга* 'проявлять уважение, с огромным уважением', *нургаал* 'учение', *угталга* 'встреча'. Анализируя ответы респондентов на слово-стимул *хүндэлэлгэ* 'уважение', отмечаем, что в языковом сознании бурят-билингвов данный концепт связан с традициями и обычаями вообще: *өөрынгөө ёһо заншал хүндэлхэ* 'уважать традиции, обычаи своего народа', в частности с традицией гостеприимства: *айлшадыё хүндэлэлгэ (3)* 'угощать гостей', *сагаан эдээн (2)* 'белая пицца', *Сагаалган (2)* 'праздник Белого месяца', *сай* 'чай', *төөлэй* 'голова барана', с уважением к вышестоящим (начальству) *дээдэ (ноёд) хүндэлэлгэ*, а также с религиозными представлениями: *бурхан хүндэлэлгэ*

‘уважать бога’. Важность и незыблемость данной этической ценности бурятской культуры нашли отражение в многочисленных юралах-благопожеланиях: *эртэ сагта бага хүниие багшанаар тадар* ‘относись как к ровне к человеку с низким уровнем социального происхождения’, *наһатай хүниие хүндэлхэ хэрэгтэй* ‘относись с уважением к старикам’ (3).

Итак, в данном исследовании определяем *хүндэлэлгэ* ‘уважение’ как коммуникативный принцип поведения, в том числе речевого, основанный на одноименном концепте и направленный на сохранение позитивного лица участников коммуникации в соответствии с ценностными установками данной лингвокультурной общности.

В главе IV «**Стереотипы организации речевого общения бурят**» исследуется этнокультурная специфика коммуникативного поведения, а также стиль вербального общения, обусловленные типом культуры и системой ценностей, принятой в бурятском обществе, исследуется содержание речевого общения представителей бурятского этноса, к которым относятся этнокультурные особенности речевого общения бурят, ролевые и социально-символические особенности речевого общения бурят, а также стереотипизированные элементы организации разговорной речи бурят. В рамках настоящей работы к стереотипам организации речевого общения мы относим стереотипы коммуникативного поведения. Стереотип как модель поведения связан с определенным национально и социально-исторически детерминированным выбором той или иной стратегии поведения в определенной ситуации [Красных 2002, с. 177].

В параграфе 4.1 «**Этнокультурные особенности речевого общения бурят**» уточнена сама дефиниция «речевое общение» (поведение), а также изучена национально-культурная специфика речевого общения. Под речевым поведением мы понимаем речевые поступки индивидуумов в типовых ситуациях коммуникации, отражающих специфику языкового сознания данного социума. Перспективным и собственно лингвистическим путем изучения речевого поведения представляется исследование семантической организации высказывания. Соглашаясь с мнением К.В. Киуру, мы считаем, что стереотипная коммуникативная ситуация выступает как стимул, а используемая вербальная формула – как реакция. Следовательно, речевое поведение в типичной коммуникативной ситуации в соответствии с необихевиористской психологией можно рассматривать как стандартные ответные реакции на стандартные стимулы. Реакции могут быть вариативными, однако иллюкутивная цель этих высказываний будет одинакова, а семантика – инвариантна [Киуру 1999].

Интерпретируя национально-культурную специфику речевого общения, выделяем следующие факторы по классификации А.А. Леонтьева: а) Факторы, связанные с культурной традицией. Они соотнесены

прежде всего: 1) с разрешенными и запрещенными в данной общности типами и разновидностями общения (табу на любое общение в течение того или иного времени, табу на общение с определенным лицом или на обращение к нему); 2) со стереотипными, воспроизводимыми актами общения, входящими в фонд национальной культуры данного этноса или в субкультуру какой-то группы внутри него. При этом данный акт может быть, так сказать, функционально оправдан (скажем, ему может придаваться магический смысл), а может быть чисто традиционным; 3) с теми или иными этикетными характеристиками «универсальных» актов общения; 4) особую проблему составляют ролевые и социально-символические особенности общения, связанные со специфичной для данной общности системой ролевых и статусных отношений; 5) культурная традиция отражается в номенклатуре и функциях языковых и текстовых стереотипов, используемых в общении; б) Факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения. в) Факторы, связанные с этнопсихологией в узком смысле, т.е. с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности. Эти факторы отражаются в номенклатуре, функциях и особенностях протекания проксемических, паралингвистических (неязыковые особенности речи – громкость, паузы и т.п.) и кинесических (жестикация) явлений; г) Факторы, связанные с наличием в тезаурусе данной общности тех или иных специфических реакций, понятий и т.п., которые в основном отражаются в системе традиционных образов, сравнений, символическом употреблении определенных денотатов, а также в системе кинесических средств [Национально-культурная специфика 1977, с. 9-10].

В параграфе 4.2 **«Ролевые и социально-символические особенности общения бурят»** были выявлены ролевые и социально-символические особенности общения бурят. Стереотипными ролевыми позициями в речевой коммуникации бурят можно считать следующие: мужчина – женщина, старший – младший, хозяин – гость, лама – верующий, учитель – ученик, начальник – подчиненный. Так, в ролевой позиции мужчина – женщина стереотипными для бурятской культуры являются следующие стратегии поведения: а) женщины склонны обращать внимание на отношения между участниками речевой ситуации; б) мужчины больше уверены в правильности своих суждений, в выявлении причинно-следственных связей. В речевом поведении бурят в иерархии «лама – верующий» отмечаем доминанту поклонения и беспрекословного повиновения по отношению к представителям буддийского духовенства. В языке это нашло отражение в наличии особого глагола *ажарха* ‘шествовать’, который используется лишь в отношении религиозных лиц.

Обычно правовая практика укрепляла традицию степных народов почтительного отношения к родителям и старшим. Также у бурят имел

большое значение авторитет отца. В знак уважения к старшим у бурят используется специальное обращение – *Хүндэтэ үбгэд!* ‘Почтенные старцы!’

Полученные данные о стереотипных коммуникативных ролевых ситуациях бурятского дискурса и особенностях реализации коммуникативных стратегий, основанных на социальных и этических нормах бурятского этноса, позволяют обобщенно представить стереотипы ролевого поведения бурят. Так, например, конфронтативность и конфликтность, естественные для реального общения, практически исключены из стереотипа речевого поведения бурят в позиции начальник – подчиненный. Доминирующими коммуникативными стратегиями в позиции начальник – подчиненный являются стратегии позитивной вежливости. Данные стратегии обусловлены спецификой национально-психологического поведения бурят, их национального склада ума. Как известно, мыслительную деятельность бурят отличают сдержанность, отсутствие поспешности в принятии решения, всесторонняя обдуманность, конкретность.

В параграфе 4.3 «**Стереотипы коммуникативного поведения бурят**» на основе анализа бурятских фразеологизмов, связанных с областью вербальной коммуникации, была выявлена специфика этнолингвистического (речевого) портрета буряты, а также особенности их речевого поведения. Фразеологические единицы (ФЕ) были проанализированы на базе соотношения их образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет. Основным критерием выделения исследуемых единиц явилось наличие в их значении семантического признака «произносить, говорить что-либо», так как в них «концептуализируются» главные компоненты речевого акта: текст и сами коммуниканты, точнее, отношения между говорящим, адресатом, а иногда и лицом, являющимся темой сообщения» [Кронгауз 1994, с. 22].

На основе анализа ФЕ были выявлены следующие стереотипные бурятские коммуникативные категории: стремление не допускать дискомфорта в межличностном общении, обходить острые углы, умение владеть собой, контролировать свое поведение, обычай «хадам» – почтительное иносказание, «сценарий сдержанности чувств» – проявление сдержанности в чувствах и эмоциях, остроумие, красноречие, умение искусно вести беседу.

Проведенный анализ бурятских фразеологизмов позволил выявить этнокультурную маркированность исконно национальных (бурятских) фразеологизмов со значением процесса речи. Национальная маркированность ФЕ нашла отражение в устойчивых компонентах исследуемых единиц – реалиях, передающих информацию о быте, хозяйственном укладе бурят, об их ценностных особенностях национальной психологии, причем устойчивые реалии – компоненты у бурят неадекватны, что связано со спецификой быта и мировосприятия народов. Например, *мэргэн*

үгэ – меткое слово, где реалия *мэргэн* имеет значение ‘меткий стрелок’. Кроме того, как было установлено, многие коннотации у бурят связаны с кочевым укладом их жизни, с основным занятием – скотоводством, природными условиями проживания (степь): *нүгэнь хээрэ хонохо* ‘говорить попусту’ (букв. его слова, в степи, ночевать); *абари хайнта айлда хонохо, ама муута хээрэ хонохоо* ‘добряк находит место для ночевки в доме, а тот, кто занимается злословием, проводит ночь в степи’; *хэлэндэ яһан үгы, хэтын галда утаан үгы* ‘у языка костей нет, у кремня нет дыма’; *хүнэй шарай адуулха* – ‘следить за выражением лица кого-либо’ (букв. человека, лицо, пасти).

Чувство времени и отношение этнического сознания к категории времени является, по словам Л.Н. Гумилева, «индикатором определения состояния народа» [Гумилев 1957, с. 144-145]. Временные характеристики в изучаемых языковых единицах нашли отражение в том, что буряты раньше вели размеренный образ жизни, они не любили торопиться, что отразилось и в их речевой практике (буряты немногословны и сдержанны). Например, *дэмы дээд хэлэнхаар, дуугай хууһан дээрэ* ‘чем попусту болтать, лучше сидеть и молчать’; *ехээр хэлэнхаар, ехээр үмхэһэн дээрэ* ‘чем много говорить, лучше больше брать в рот’.

Во фразеологизмах со значением процесса речи отражены также характерные черты бурят, их нравственные качества. Анализ таких устойчивых сочетаний показывает, что они выражают положительную или отрицательную этноценностную ориентацию народа: а) с положительной (позитивной) ориентацией: *үгэ хэлэндэ бэрхэ* ‘красноречивый’; *үнэһиэ хүн* ‘правдивый’; *халуун зүрхэн* ‘горячее сердце’; *абари хайнта* ‘добряк’; *сэхэ сэбэр* ‘прямой, чистый’ (о честном человеке); *сэхэ сэдхэл* ‘честная (прямая) душа’; *эрэ хүн досоогоо эмээлтэ хазаарта мори багтаадаг* ‘в груди мужчины может поместиться конь с седлом’; *үгэ дуугуй* ‘молчаливый’ и др.; б) с негативной ориентацией: *адаг тэнэг* ‘глупец’; *долдой худалша хүн* ‘лжец’; *хайрхуу* ‘хвастливый’, *задагай аматай* ‘болтливый’.

Специфика национального сознания бурят тесно связана с *табан хушуун мал* ‘пятью видами скота’ – основой его кочевнического уклада, поэтому значительное место в его этноценностной системе занимают фразеологизмы, восходящие к образам животного мира. В сферу таких фразеологизмов со значением процесса речи нами включаются, во-первых, такие, метафоричность которых опирается на входящий в состав фразеологического оборота лексический компонент с названием животного: *агта алдабал баригдаха, ама алдабал – баригдахагуй* ‘коня упустишь – поймаешь, слово обронишь – не поймаешь’; *орог зото хулгана үргэнэһингөө хурсада үхэбэ* ‘мышь погибла из-за острого языка’; *тэмээн гэхэдэ, ямаан гэхэ* ‘ему говорят про верблюда, а он про козу’; во-вторых, фразеологизмы, содержащие названия черт характера, особенностей внешнего облика человека, определяющих свойства неодоше-

ленных предметов и явлений действительности с повадками, поведением и внешним обликом животных: *шаазгай шэнги шаханаха, борбилло шэнги доржогонохо* ‘стрекотать как сорока, чирикать как воробей’ (о болтливом человеке); *үгэһээ үгэ гарадаг, үнээнһээ тугал гарадаг* ‘слово слово родит, корова теленка родит’ и др.

При анализе подобных ФЕ была выявлена и такая этнически-маркированная черта характера представителя бурятского этноса, как уважение к старшим, признание их опыта и мудрости: *хүгшэн нохойн хусаһан уур сайса, үбгэн хүнэй хэлэһэн дууһасаа* ‘лай старого пса – вплоть до утра, сказанное стариком – на всю жизнь’; *бусалһанһаа ама хүрэ, бууралһаа үгэ дуула* ‘приготовленной еды отведай, седовласого (старшего) – слушай’. Достаточно интересной является этнокультурная маркированность красного цвета *улаан* в словосочетаниях: *улаан нюуртань хэлэхэ* ‘говорить в лицо, сказать в глаза’; *улаан нюураараа* ‘с глаза на глаз, лицом к лицу’; *улаан нюураараа уулзажа хөөрэлдэхэ* ‘беседовать с кем-либо’. Красный цвет *улаан* в бурятской этнокультуре имеет положительную коннотацию и поэтому в вышеприведенных примерах передает значение «открытый», «прямой».

К стереотипам коммуникативного поведения бурят относится и речевой этикет. В рамках исследования была изучена национальная специфика речевого этикета. Так, например, очень интересна у разных народов специфика приветствий и всякого рода осведомлений при встрече. Анализ включенного наблюдения этикетных ситуаций у бурят позволил выделить следующие его особенности: строго регламентированные формы почитания и величания старших, благожелательность, сдержанность, учтивое, чрезвычайно вежливое обхождение с гостями и детьми.

В параграфе 4.4 «Стереотипизированные элементы организации разговорной речи бурят» рассматриваются лингвистические особенности устной речи бурят. Объектом наших наблюдений послужила обиходно-бытовая речь городских бурят-билингвов и русскоязычных бурят г. Улан-Удэ. Исследованный материал позволил нам выделить следующие стереотипизированные элементы организации разговорной речи бурят: а) неспешная просодия (спокойный темп, наличие пауз, ровная интонация); б) неналожение речевых актов (последовательное вступление в коммуникацию); в) тематическое ограничение; г) национально-культурные особенности невербального поведения бурят; д) эвфемический характер коммуникации; е) смешение и переключение кодов; ж) лексико-семантические особенности разговорной речи бурят-билингвов.

Еще один способ структуризации языковых фактов, отражающих стереотипы, анализ эвфемизмов и табу. Так, чтобы показать свою деликатность в обхождении с людьми почтенного возраста и высокого социального ранга, в обращении со старшими родственниками монголы и буря-

ты употребляют изысканно-почтительные слова из высокого стиля. Например, говорят вместо обычного экспрессивно-нейтрального *эдихэ, уха* 'есть, пить' – *зооглохо* 'кушать', вместо *унтах* 'спать' – *нойрсохо* 'почивать'. Примечательным в речевой практике бурят является обычай *хадма* (почтительное иносказание). Например, буряты должны воздерживаться от произношения имен родителей, называя их просто *эжи* 'мама' и *аба* 'папа'. В бурятском языке немало табуистических выражений, связанных с культом природы и животного мира, с наименованиями некоторых болезней. Буряты избегают прямого названия гор, обходясь разными эпитетами и почтительными словами *хайрхан* 'милостивый', *богдо* 'священный', *мунхэ* 'вечный', *жавхалант* 'величественный' и т.п. Табуистические названия имеют такие дикие звери, как медведь, волк, лиса, которые считаются тотемными. Например, для волка существует название *урт суултэн* 'длиннохвостый', *хээрийн нохой* 'степная собака', окин. *хадайн нохой* (букв. горная собака) и др., для медведя – *баабгай* 'отец, батюшка'. Таким образом, специфичность разного рода коммуникативных табу у бурят объясняется культивированием различного отношения со стороны говорящего к себе, к собеседнику, к тем культурным ценностям, которые формируют представления о морали и нравственности в определенной культуре.

В настоящем параграфе были выявлены особенности невербального поведения бурят. К стереотипным элементам бурятского невербального общения были отнесены жестикация, мимика и проксемика. Как показало проведенное исследование, невербальное поведение бурят характеризуют следующие национально-культурные особенности: а) своеобразное восприятие пространства; б) неспешная просодия (спокойный темп, наличие пауз, ровная интонация); в) небогатая кинесика (жесты, мимика). Отдельные жесты и телодвижения у монгольских народов имеют национальную специфичность. В частности, ярко-выраженный национально-специфичный характер у бурят имеет проявление ласки, любви. Лакунарным, присущим только монголоязычным народам можно считать такой жест, как «нюхать голову ребенка»: «*Старик шершавой, натруженной ладонью погладил щеки Номгонда-лая, понюхал его голову и лег...*» [Цырендоржиев 1975, с.127].

Основным стереотипным элементом разговорной речи современных бурят является и такое явление, как смешение и переключение кодов. Проведенный анализ детерминирующих факторов речевого поведения бурят свидетельствует о дисгармоничной языковой ситуации. Сложившаяся языковая ситуация способствует тому, что все чаще в речи бурят-билингвов наблюдается явление переключения кода, используются русскоязычные заимствования. Самая частая тема общения, при которой обычно происходит переключения кодов – ситуативно-бытовая: *Мунөө унтах* *иди*. 'Сейчас иди спать' *Ши откуда болохои?* 'Ты откуда будешь?' *нонин намда расказажи*. 'Расскажи мне новости' *Үсэгэлдэр минии*

аба *приехал*. 'Вчера приехал мой отец' *Когда ерэхэб тэрэи?* 'Когда он у тебя придет?'; *Би шамһаа спрашиваю*. 'Я тебя спрашиваю' Данные, полученные в процессе исследования, доказывают, что переключение кода в речи бурят-билинггов г.Улан-Удэ носит преимущественно ситуативный и тематический характер. Двужычное кодовое переключение осуществляется в исследуемом языковом материале как в рамках одного предложения на «минимальном» и на «максимальном» уровнях, так и на фразовых границах. В результате проведенного анализа было выявлено, что системное переключение кодов ведет к взаимовлиянию двух чуждых систем бурятского и русского языков в языковом сознании как русскоязычных бурят, так и бурят-билинггов и осуществляется в основном на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Изменения, наблюдающиеся на морфологическом и синтаксическом уровнях, представляют собой отклонения от нормы бурятского языка, «перенесение» правил русского языка на диалект. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию проблемы речевого поведения в условиях иноязычного окружения и открывают новые перспективные направления для дальнейшего исследования данной проблемы. Интересным направлением работы может стать сравнительное изучение речевого поведения бурят-билинггов, проживающих в других регионах России, а также исследование особенностей речевого поведения бурят-билинггов с точки зрения теории речевых актов.

В параграфе 4.5 «**Анализ результатов экспериментального исследования стереотипов организации речевого общения бурят**» представлены результаты эмпирического исследования стереотипов коммуникативного поведения бурят. Сопоставительный анализ стереотипов коммуникативного поведения бурят был проведен внутри бурятской этногруппы (анализировались отдельно ответы русскоязычных бурят и бурят-билинггов). Стереотипы коммуникативного поведения в повседневных практиках, характеризующие бурятскую культуру, связаны с получением информации, с оценкой собеседника, с модификацией поведения собеседника. Были выявлены стереотипы коммуникативного поведения в повседневных практиках бурят, обусловленные культурными характеристиками, доминантными национальными особенностями поведения представителей данного лингвокультурного сообщества.

Для выявления содержания рассматриваемых стереотипов испытуемым предлагалось ответить на вопрос: *Какое впечатление производят на вас буряты (русские) в общении? Какие они в общении?* Материалом исследования послужили 487 признаков бурятского коммуникативного поведения, из которых в 61 признаке обнаружилось различия. Обработка результатов эксперимента включала обобщение отметок (например: медленно, неспешно, неторопливо, не торопясь медленно), рубрикацию ответов (распределение по параметрам описания коммуникативного поведения) и ранжирование ответов по частотности, выделение ядерных

и периферийных признаков. При анализе **результатов содержательного описания речевого поведения бурят** было выявлено, что наиболее релевантными параметрами бурятского коммуникативного поведения (представленными в общей сложности не менее чем пятью признаками) являются манера речи – 142, темп речи – 109, эмоциональность – 84, интонация – 26, улыбка – 3, громкость речи – 13, дикция – 80, объем речевой деятельности – 24. Ядром коммуникативного поведения бурята является специфический темп речи – 109 признаков, манера речи – 142 признака. Параметрами, оказавшимися периферийными для испытуемых бурят, являются: паузация – 43; акцент – 11; выразительность – 17; юмор – 4; мотивированность речевого вклада – 30.

Обе группы опрошенных респондентов (как русскоязычные буряты, так и буряты-билингвы) отметили, что буряты в основном говорят *аажам* (17) ‘спокойно’, *аалин* ‘медлительно, степенно’ (2), а также *медленно, не торопясь* (35), *некоторые говорят очень медленно* (3), соответственно темп речи бурят *низкий* (2), хотя семеро испытуемых отмечают признак *быстрый*, а один – *средний*. При этом буряты – билингвы считают, что *хори буряадууд* – ааляар (2) ‘хоринские буряты – спокойные’. Разговаривают буряты в основном *аалихан, аалиханшаг, аляар* (6) ‘тихо, негромко’, иногда *себе под нос* и *зөөлэн* ‘мягко’. Как отмечают респонденты, некоторые деревенские буряты *шанга хоолойтой* ‘громко-голосые’ и нередко *громко разговаривают в маршрутках*. В плане эмоциональности речи можно отметить, что буряты в основном *спокойны* (12), *уравновешенны, сдержанны* (8) и *неэмоциональны* (2). Но также могут быть, особенно деревенские буряты, *несдержанными* (5), *вспыльчивыми* (2), *буйными, шумными*. Особой вспыльчивостью и эмоциональностью отличаются *тункинские буряты* и представители таких бурятских родов, как *сонголы* и *галзуты*. Рассматривая такую характеристику, как объем речевой деятельности, отмечаем, что буряты, особенно деревенские буряты и мужчины, *малоразговорчивы* (5), *немногословны* (3), *молчаливы* (3). Часть респондентов отмечает, что буряты могут говорить *ехээр* (4) ‘много’.

Релевантной этнокультурной коммуникативной характеристикой речевого поведения бурят является то, что они, как правило, *бээ баряад, налгай* (36) ‘сдержанны, все сразу не выложат, скрытны’, *даруу зантай* (7) ‘скромны’, поэтому *не любят говорить об успехе*. Буряты *аха захатанише хундэдэг* ‘уважительно разговаривают со старшими’, *зөөлхэн зантай* ‘вежливы’ и *зохид* ‘приветливы’, но нередко *хамараа ургөөд, ехэлиг ханаатай* (2) ‘высокомерны’ и *дорюун* ‘уверены в себе’. Манера речи и поведения городских и деревенских бурят отличаются, так, например, деревенские буряты нередко *не умеют себя вести, у них нет воспитания* (5), *невежливы* (2), тогда как городские буряты *воспитанны* (3), *интеллигентны* (2).

Исследуя такой периферийный признак коммуникативного поведе-

ния бурят, как мотивированность речевого вклада, особо выделяем следующие характеристики. Как правило, в разговоре буряты *долго обдумывают, чтобы сказать, часто задумываются (2), медлят с ответом*, при принятии важных решений обязательно *советуется с семьей*. Иногда в разговоре буряты *делают вид, что ничего не понимают, осторожно подбирают слова, стараются мало высказывать свое мнение, не комментируют, чаще стараются занять нейтральную позицию*. Поэтому нередко *хун бүхэн хөөрэлдөөн соо ондоогоор хэлэдэг* 'говорят не то, что думают'. В основном буряты *хорошие слушатели и пытаются тебя понять (2)*, но, в отличие от русских, *они меньше доверяют собеседнику*.

Интересно, что буряты-билингвы почти не отметили такую характеристику речи бурят, как *наличие акцента в русской речи бурят (2)*. По-видимому, это связано с тем, что, хорошо владея бурятским языком, они не обращают на него (акцент) внимание, тогда как русскоязычные буряты выделили *наличие бурятского акцента в русской речи бурят (9)* в качестве релевантной особенности. Также буряты-билингвы четко дифференцируют разговорную речь бурят, отмечая, например, что *баргузинские и закаменские буряты говорят быстро и громко, хоринские, еравнинские, кижингинские и агинские говорят медленно и четко, агинские буряты – долго и протяжно*. Речь и манера поведения курумканских и баргузинских бурят считаются грубоватыми, резкими (*барга* 'неотесанный'). Бичурские и мухоршибирские буряты, издавна дисперсно проживая в среде семейских и русских, в большей степени переняли от них их стереотипы общения (например, могут обращаться к старшим на «*ты*» («*ши*»)).

Коммуникативное поведение русских в представлении бурят, с точки зрения выразительности, отличается такими характеристиками, как *громкость, шум (7), эмоциональность, экспрессивность (4)*. В то же время русские в разговоре бывают *резкими (3), грубыми (3), нетерпеливыми, вспылчивыми, часто не соблюдают субординацию в разговоре (3)*, говорят, как правило, *почти без пауз (2), четко (2), выдержанно, мелодично*. Иногда *глотают слова (2)*, говорят *сбивчиво, не заканчивают фразы*. Русские обладают *хорошим чувством юмора (2), любят шутить (2)*. Релевантной коммуникативной особенностью русских являются *общительность (10), многословие (3), словоохотливость, самоуверенность*. Часто в *разговоре ведут себя открыто (2), прямо (2), разухабисто*, иногда могут *подавлять собеседника, перебивать, не слушать*.

Также в настоящей работе экспериментально был выявлен **бурятский коммуникативный идеал**. Под коммуникативным идеалом понимается стереотипное представление об идеальном собеседнике, представленное в сознании народа. Коммуникативный идеал является существенной составляющей национального менталитета, а также неотъемлемой частью национального коммуникативного поведения. Подавляю-

щее большинство признаков коммуникативного идеала, выделенные испытуемыми, отражают идеализированное представление о *толерантном собеседнике*. Напрямую это представление отражает признаки *воспитанный, с хорошими манерами, в разговоре соблюдает дистанцию, достаточно гибок в общении, быть на одной волне, много точек соприкосновения, умеет поддержать разговор, не боится осуждения и сам не осуждает, не перебивает, умеющий поддержать любую тему; шагнажа шададаг хүн* 'умеет внимательно выслушать', *ойлгостойгоор, хайн мэдэхэ хүн* 'понимающий', *аалиханаар* 'спокойный', *хайн мэдэхэ хүн* 'понимающий человек', *хөөрэлдэжэ байһан хүнөө хүндэлдэг хүн* 'уважает своего собеседника'. Косвенно – *общительный, легкий в общении, открытый, искренний; энеэхэ дууратай* 'с юмором', *хүхютэй* 'веселый', *бухы юмэндэ сагаан ханаатай* 'ко всему относится хорошо'. Итак, в представлении как русскоязычных бурят, так и бурят-билингвов идеальный собеседник *умеет слушать* (21), *шагнажа шададаг хүн* 'умеет внимательно выслушать' (27), а также он *умный* (24), *бэрхэ, ухаатай* 'умный' (11). Третью позицию у русскоязычных бурят заняла характеристика *понимающий* (11), а у бурят-билингвов – *энеэхэ дууратай* 'с юмором' (6), *хүхютэй, зугатай* 'веселый' (4). Бурятам в общении важны психологические аспекты, в частности, русскоязычным бурятам необходимо найти *точки соприкосновения с собеседником* (2), должна быть *эмпатия* (2) с собеседником, также важно *уметь поддерживать беседу* (6), *хөөрэлдөөн таһалдуулангүй шадаха* (4); *умение слышать* (5). Также собеседник должен быть *интересным в общении* (5), *һонирхолтойгоор хөөрэдэг, һонин* 'интересный' (4). Собеседник в представлении бурят-билингвов должен быть *хайн сэдхэлтэй* 'добрым' (4) и *аятайхан, аалиханаар* 'спокойным' (5) и *ойлгостойгоор* (6), *хайн мэдэхэ хүн* 'понимающим' (7).

Таким образом, стереотипными коммуникативными признаками бурятского национального коммуникативного поведения являются: невысокая доля невербальной составляющей в общении; низкий уровень эксплицитности речевого поведения; ориентированность на социально-перцептивную сторону общения, заметный уровень речевой и тематической табуированности; низкая экспрессивность общения, коммуникативная малоинициативность, замкнутость.

При описании **результатов эмпирического исследования стереотипов невербального общения бурят** было выявлено, что буряты считают сами себя в общении закрытыми, спокойными, терпеливыми, в соответствии с этим и жестикация у бурят, как правило, скупая, неторопливая и сдержанная, что подтверждается и ответами респондентов. Так буряты-билингвы, характеризуя себя, отмечают, что жестикация у них, как правило, *амгалан* 'спокойная', *даруу зантай* (6), *томоотой* (20) 'сдержанная'; *гар хүлөө хээр арбагануулдаггүй* 'не выраженная жестикация'. К характерным жестам данной группы бурят можно отнести

следующие: *хөөрэлдэхэдөө гараараа харуулдаг* (15); *гараараа юумэ харуулжа, харбайдаг, сэхээр гараа, заажа байгаад*(5) ‘во время разговора показывать рукой’, *хүнтэй уулзахадаа гараа барилсадаг* ‘при встрече пожать руку’.

В группе русскоязычных бурят были выявлены следующие кинесические особенности: *смотрит в глаза* (5), *держит руки в замке, либо в кармане* (2) *или за спиной, здоровается обеими руками (обычай), подает руку, кивает головой* (2), *пожимает руку*. Отмечая мимические особенности речи как бурят-билинггов, так и русскоязычных бурят выделяем такие характерные особенности, как: *хайшаашье хабаадахагүй* (7) ‘не выраженное, нейтральное’, *не выражена* (4), *милика выражена слабо, неподвижное, без мимики*, Выражение лица у изучаемых групп бурят обычно *амгалан* ‘спокойный’(9), *томоотой* (9), *ехэ томоотойгоор харуулдаг, без эмоций* (4), *не выдает своих эмоций* (3), *задумчивое* (2), *не изменяет выражение лица*.

В то же время русскоязычные буряты могут «*напускать броню*», *быть напыщенными, надменными*, при этом выражение лица может быть *индифферентным*, даже *равнодушным* (2), тогда как буряты-билингвы могут быть *барагар шарайтай* (2), *шэг шарай сухалтай*(2) ‘сердитыми, неприветливыми’. Выявляя характерные особенности мимики глаз у бурят, отмечаем, что взгляд может быть *арга мэхэтэй* (3) ‘хитрым’, также буряты-билингвы во время разговора могут *нюдөө томо болгодог* ‘делать большие глаза’, *шарайгаа ондоо болгоохо* (2) ‘меняться в лице’. Взгляд может быть *зөөлэхэн харсатай* ‘мягким, ласковым’, иногда *цурят глаза* (2), *прикрывают глаза, оценивающе смотрят*.

В настоящей главе также проведен **анализ результатов эмпирического исследования стереотипов коммуникативного поведения бурят**. В рамках нашего исследования анализу подверглись живые разговорные формы речи (стереотипы разговорной речи) представителей разных социальных слоев города. Эти единицы, выходя за пределы своей исконной сферы бытования – профессионального и корпоративного (группового) сленга, приобретают статус общеизвестности и употребительности широкими кругами носителей общелитературного языка, не ограниченными определенными социальными рамками (возраст, профессия, уровень образования, общие интересы и др.), то есть, по сути, перестают принадлежать исключительно социолектам. На примере русского языка речь идет о таких номинативных единицах, используемых в молодежном сленге, как *бабки, достать (кого-либо), брать на понт, лапшу на уши вешать, мент, дать на лапу, облом, по барабану, прикоп, прикольный, тащиться, тугрики, тусовка, тусоваться, тусовочный, фигня* и т.п. Так, в лексике обиходно-разговорной речи исследуемых этногрупп бурят включаются слова, которые характеризуются экспрессивностью, оценочностью: *зайха-зуураха* ‘гулеванить’, *бузар гоеор!*

‘очень красиво’. В разговорной речи русскоязычных бурят бытуют подобного рода лексемы: *борявий, борявчик* (борец, особый тип мужчин-бурят (слои, каста), активно занимающихся национальным видом спорта – борьбой, отличительной чертой внешнего вида является наличие сломанных ушей).

К стереотипам разговорной речи мы отнесли и ситуативную лексику. Эти слова могут обозначать любые понятия и даже целые ситуации, если они хорошо известны участникам диалога. Проведенное исследование позволило нам выявить следующие тематические группы: **бурятская действительность**: *головары, Хурал* ‘собрание депутатов’, *косяк* (студ. жарг., о неправильно совершенном действии), и т.п.; **религия**: *зула* ‘свеча’, *хиш морин, адис* ‘благословение’, *буян* ‘добродетель’, *нүгэл* ‘грех’ и т.п.; **национальный признак**: *Бурядууд, урагшаа!*, *мангад* ‘русский’ и т.п.; **коммуникативные стереотипы**: Обращения – *хуба, хубуун, хубуушкэ* ‘мальчик’, *басагашика* ‘девочка’, *хамган* ‘жена’, *эжи* ‘мать’; Речевой этикет – *мэндэ, амар мэндэ, амар сайн, сайн байна* ‘здравствуйте’, *ши хаантши?* ‘ты откуда родом?’, *баяртай* (до свидания); Выражение просьбы – *ер наашаа* ‘иди сюда’, *хүрөө* ‘хватит’; **Слова-реакции** – *болоо* ‘хватит’, *мэдэнгүйб* ‘не знаю’, *байхагүй* ‘не быть, не стоять’, *однако ойлгоб* ‘однако, понял’; **Ругательные** – *арил сааша!* ‘Иди отсюда!’, *ямар муухай!* ‘Какой вредный!’, *болиштаа, хаялдаа саашань* ‘Перестань, брось!’ и т.п.

Одной из типологических особенностей разговорного бурятского языка является наличие в нем широкой системы глагольных форм, выражающих различные модальные значения. Отличительной особенностью бурятской языковой личности является необходимость соблюдения традиционных правил поведения. Поэтому в соблюдении речевого этикета монгольских народов большую роль играют лексические и грамматические средства вежливости, которые можно отнести к стереотипным элементам коммуникации. В целях учтвого и вежливого обращения ко второму лицу в монгольских языках употребляется специальная вежливая форма глагола с суффиксом *-гтун*: *орогтун* ‘войдите’. Для того чтобы показать свою деликатность в общении с людьми почтенного возраста и высокого социального ранга, в обращении со старшими родственниками монголы употребляют изысканно-почтительные слова из высокого стиля. Например, говорят вместо обычного экспрессивно-нейтрального *эдихэ, уха* ‘есть, пить’ – *зооглохо* ‘кушать’, *вм. унтаха* ‘спать’ – *нойрсохо* ‘почивать’; *вм. үгэхэ* ‘давать’ – *бариха* ‘преподносить’; *вм. гар* ‘рука’ – *мутар (мотор)* ‘десница’ и т.п. Если же эти слова употребляются по отношению к лицам, не заслуживающим уважения, то они приобретают иронически-презрительный смысл.

Подобные глагольные речевые формы являются яркой национально-культурной особенностью разговорной речи бурят, характеризуя их стремление выразить уважение к собеседнику, дать только совет или

попросить о чем-либо, не настаивая на своей точке зрения: повелительно-просительная (*дуульши* 'спой', *абыши* 'возьми', *амарыт* 'отдохните'), повелительно-желательная (*харадаг най* 'хоть бы посмотрели', *ошодог най* 'если пошли бы'), повелительно-пригласительная (*сев. сел. хэлэе, хэлэи* 'давайте расскажем'), повелительно-допустительная (*зап. хэлүүжэ* 'пусть он скажет'). Глаголы предупредительного наклонения используются для выражения опасения или предостережения говорящего с заботой о собеседнике (*мэдэгшэб* 'как бы не узнал', *зап. мартагшабта* 'как бы вы не забыли', *лит. мартаарайб* 'как бы я не забыл'). Таким образом, среди исследованных стереотипных единиц были выявлены специфические маркеры просторечной речевой культуры, выполняющие функцию культурного кода.

В **заклучении** излагаются основные итоги и результаты исследования.

Результаты исследования позволяют, на наш взгляд, перейти от эмпирического этапа исследования к решению таких важнейших проблем, как «речевое поведение», «речевой этикет», «языковая личность», «языковое и коммуникативное сознание», «концепт» и др., к сопоставительному-когнитивному и комплексному описанию понятий «стереотип», «этнокультурный стереотип речевого общения», «стереотипы языкового сознания», «стереотипы организации речевого общения».

Исходя из установленных в настоящей работе особенностей понятия СРО, можно считать, что его разработка является особо важной и перспективной для психолингвистики, социолингвистики и лингвокультурологии и призвана обосновать современную научную парадигму функционирования языка во взаимодействии с человеком, его сознанием, мышлением, культурой. Предложенная в рамках настоящего исследования трактовка СРО позволяет учесть и эксплицировать их непосредственную связь с языковыми знаками, значением слова и с когнитивными структурами.

Разработанная междисциплинарная комплексная методика анализа СРО имеет несколько вариантов применения. Как было продемонстрировано в работе, она может использоваться для анализа и описания: 1) экспериментального исследования СРО и результатов свободного ассоциативного эксперимента; 2) ментальной сущности исследуемого феномена во взаимосвязи с такими понятиями, как ментальность, менталитет, концепт, картина мира, базовое стереотипное ядро знаний, ассоциация (ассоциативная реакция). Репрезентантами стереотипов языкового сознания выступили стереотипы-концепты и национально-культурные слова-образы; 3) СРО с точки зрения лингвокультурологии, где исследуемый феномен рассматривается как явление, принадлежащее «языку культуры». СРО представляется фрагментом языковой и концептуальной картин мира, и в этом контексте данное понятие находится в отношении соположения, включения с понятиями концепт, фоновые знания, нацио-

нально-культурная коннотация; 4) национально-культурного компонента значения СРО, выявлению того, что реально стоит за стереотипом в действительности, какие ассоциации вызывает тот или иной стереотип (слово, ФЕ и т.п.), описанию ассоциативного поля в сознании носителей языка, культурного поля слова, его места в языковой картине мира; 5) различных средств актуализации стереотипов на разных языковых уровнях, в частности, рассмотрен речевой этикет как система национально-специфических стереотипов общения бурят. Так, стереотипность речевого поведения (речевой этикет) имеет место тогда, когда речь идет об этикетных ситуациях и является самым главным правилом человеческого общения; 6) стереотипных языковых факторов, отражающихся в процессах общения. Языковые факторы нашли выражение в лексико-синтаксических и морфологических особенностях разговорной речи бурят-билингвов, в эвфемическом характере коммуникации, а также в смешении и переключении кодов.

Предложенная методика анализа СРО, основанная на интегративной методике его моделирования, с помощью вербально-образного, ассоциативно-смыслового и концептуального анализа материала, позволила установить, что СРО представляется как в форме речевого клише (традиционно к этим единицам относятся все виды устойчивых словосочетаний и фраз, фразеологизмы, пословицы и поговорки, идиомы, литературные цитаты и т.п.), так и в форме штампа сознания, выступающего сигналом принадлежности участников общения к одному социокультурному пространству. Также стереотип речевого общения (поведения) реализуется стереотипом организации речевого общения в данной национально-культурной общности (стереотип поведения). Таким образом, в рамках настоящего исследования под этнокультурным стереотипом речевого общения мы понимаем как вербальные, так и невербальные средства коммуникации, отличающиеся устойчивостью, клишированностью функционирования и соотносительностью с тематико-ситуативным, вербально-образным и концептуально-ментальными уровнями речевого общения данной национально-культурной общности.

В работе было проведено экспериментальное исследование этнокультурных особенностей речевого поведения бурят и описаны результаты направленного ассоциативного эксперимента. Используемая методика позволяет выявить стереотипные признаки коммуникативного поведения исследуемой лингвокультурной общности бурят. В результате анализа мы пришли к выводу что, в русском сознании коммуникативное поведение бурят (особенно в религиозной сфере, традиции и обычаях) рассматривается как контрастное русскому коммуникативному поведению. Так, эмпирическое исследование национально-культурных особенностей невербального поведения бурят нашло отражение в следующих характеристиках: 1) своеобразное восприятие пространства; 2) неспешная просодия (спокойный темп, наличие пауз, ровная интонация);

3) небогатая кинесика (жесты, мимика).

Ключевые теоретические положения, разработанные в настоящем исследовании, и предложенные методики интегративного анализа СРО могут иметь дальнейшее применение как в области развития теории коммуникации, бурятской коммуникативной лингвистики, так и в области сопоставительного изучения СРО представителей различных лингвокультур. Можно утверждать, что пришло время, когда в полиэтничных регионах следует описывать не только внутриязыковые (внутриструктурные) явления, которые объясняются интерференцией, и соответственно обследовать весь набор языковых средств и способов их сочетания друг с другом, который находит отражение в стереотипных формах речи и поведения этнофора в разных сферах использования языка и демонстрирует разные типы языковых состояний. Так, например, требует дальнейшего рассмотрения проблема влияния индивидуальных и социальных особенностей языковой личности на степень стереотипности речи, на выбор предпочтительных речевых стратегий.

Дальнейшее изучение может предоставить интересные результаты в отношении выявления типологии и специфики не только СРО городских, но и сельских бурят, проживающих как в этнически смешанной, так и в моноэтнической среде, позволяя выявить характерные только для них черты. Необходимым видится и дальнейшее изучение СРО на материале разных языков, которое позволит расширить набор стратегий коммуникативной адаптации в условиях глобализации и интернационализации. Результаты исследования могут использоваться в межкультурной коммуникации для выработки навыков овладения межкультурной компетенцией и достижения взаимопонимания между народами. Перспективным представляется использование предложенной методики изучения СРО как бурят, так и представителей других лингвокультур для дальнейшего изучения проблемы национально-культурной специфики речевого общения, получения новых фактов того, насколько специфичным является опыт познания мира тем или иным этническим сообществом.

Основные положения работы изложены в следующих публикациях:

I. Монографии:

1. Бухаева Р.В. Этнокультурная символика в речевых стереотипах бурят / Монография. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2011. – 186 с.

II. Научные статьи в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

2. Бухаева Р.В. Современное состояние ценностных представлений в языковом поведении бурят // Вестник ВСГУТУ. – 2009. – № 1. – С. 89-94.

3. Бухаева Р.В. Национально-культурная специфика ассоциативного значения речевых стереотипов бурят (по материалам направленного ассоциативного эксперимента) // Уч. Зап. ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение». 2010. – №3 (32). – С. 168-171.

4. Бухаева Р.В. Прецедентные имена как этноспецифические стереотипы языкового сознания бурят // Вестник БГУ. Серия «Язык. Литература. Культура». 2012 – №2. – С. 168-171.

5. Бухаева Р.В. Цветосимволы как стереотипы речевого поведения (мышления) бурят (по материалам направленного ассоциативного эксперимента) // Вестник БГУ. – 2010 – Серия «Филология». – Вып. 10. – С. 3-7.

6. Бухаева Р.В. Лингвокогнитивные особенности бурятской языковой личности. Вестник ИРГТУ. 2010. – Серия «Филология». – Вып. 5. – С. 223-226.

7. Бухаева Р.В. Особенности невербальной коммуникации у бурят // Вестник Иркутского государственного технического университета. – Серия «Филология». – Иркутск. – 2012. – Вып. 2. – С. 186-189.

8. Бухаева Р.В. Национально-культурная специфика речевого общения бурят // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – С. 38-43.

9. Бухаева Р.В. Гендерный аспект речевых стереотипов общения бурят // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. №4. – С. 41-44.

10. Лингвистические особенности разговорной речи городских бурят. Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 4 (15) – С. 44-49.

11. Бухаева Р.В. Особенности национально-культурных коннотаций фразеологизмов со значением процесса речи // Вестник БГУ. – 2012 – Серия «Филология». – Вып. 10. – С. 3-6.

12. Бухаева Р.В. Этноспецифические стереотипы языкового сознания бурят (на примере концепта *хөөрэлдөөн* 'общение') // Вестник БГУ. – 2013 – Серия «Филология». – Вып. 2. – С. 36-41.

13. Бухаева Р.В. Стереотипные ролевые и социально-символические особенности речевого общения бурят. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – Вып. № 3. – С. 353-357.

14. Бухаева Р.В. Стереотипы коммуникативного поведения бурят (по результатам экспериментального исследования). Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Вып. № 1. – С. 263-266.

15. Бухаева Р.В. Национально-культурная специфика реализации концепта *хүндэлэлэ* 'уважение' в речевом общении бурят (по материалам направленного ассоциативного эксперимента) // Глобальный научный потенциал. – 2014. – Вып. 3(36). – С. 47-50.

16. Бухаева Р.В. Национально-культурные особенности речевого поведения бурят: бурятский коммуникативный идеал (по материалам эмпирического исследования) // Перспективы науки. – 2014. – Вып. 3(54). – С. 51-54.

III. Статьи в монографиях, сборниках научных трудов, материалах конференций:

17. Бухаева Р.В. Языковая и этническая идентичность в многонациональном городе». Междунар. науч.-практ. конф. «Восточное общество: интеграционные и дезинтеграционные факторы развития», БГУ, 2007. – С. 43-46.

18. Бухаева Р.В. Языковая личность и национальная картина мира представителей бурятской и китайской культур. Междунар. науч. конф. «Россия – Азия: механизмы сохранения и модернизации этничности». Материалы междунар. науч. конференции (18-21 июня 2008 г.). – С.113-115.

19. Бухаева Р.В. Стереотипный образ животного в национальной языковой картине мира (на материале китайских и бурятских пословиц и поговорок). Материалы IX Российской. науч.-практ. конф. Мировая культура и язык: взгляд

молодых исследователей. – 16-18 апреля 2009 г. – Томск: Изд-во ТПУ, 2009. – С. 34-41.

20. Бухаева Р.В. Безэквивалентная лексика как отражение специфики национальной картины мира. Регион. науч.-практ. конф. «Языковая картина мира Байкальского региона». – 27-28 мая 2009 г. – С. 46-54.

21. Бухаева Р.В. Национально-культурные особенности речевого этикета представителей различных культур (на примере китайской, русской и бурятской языковой личностей). IX Междунар. науч.-практ. конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации», 12-14 ноября 2009 г. – Томск: Изд-во ТПУ, 2009. – С. 119-123.

22. Бухаева Р.В. Смешение и переключение кодов как стереотипный элемент разговорной речи бурят (по материалам исследования разговорной речи бурят г. Улан-Удэ). Всероссийская (с международным участием) науч. конф. «Региональные варианты национального языка», 17-20 октября 2013 г. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013.

23. Бухаева Р.В. Национально-культурные особенности стереотипов языкового сознания бурят (на примере концепта *хүндэшэ зан* ‘гостеприимство’) // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 2. – С. 38-42.

24. Бухаева Р.В. Этнокультурная специфика речевых стереотипов *хамаа үгы* ‘ничего и так сойдет’ и *Ши хаанахиши?* ‘Откуда ты родом?’ // Альманах современной науки и образования. – 2013. – С. 123-127.

25. Бухаева Р.В. «*Ёһо заншал*» как система этнокультурных стереотипов речевого общения бурят // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 09 (44). – С. 166 -172.

26. Бухаева Р.В. Национально-культурные слова-образы (на примерах слов бурятского языка *буян* ‘добродетель’ и *нүгэл* ‘грех’) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 10 (57). – С.16-22.

Подписано в печать 23.01.2015. Формат 60x84 1/16.
Усл. п. л. 2,79. Тираж 100 экз. Заказ № 12.

Издательство ВСГУТУ
670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40 в.